

18+

Илья Тамигин
Черный Тамбовский Волк

Полусказка

Илья Тамигин
Черный Тамбовский Волк.
Полусказка

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67855682
ISBN 9785005672797*

Аннотация

Подросток открывает в себе вторую сущность – волка. Это порождает проблемы, вплоть до борьбы за собственную жизнь. Со временем он, атеист, приходит к вере в Бога, но его двойная сущность становится препятствием к крещению. Он стоит на распутье: остаться как есть или избавиться от волка в себе и войти в Церковь. Любовь к своей подруге помогает ему сделать выбор. Приключения, кровавые схватки, смешные и серьёзные ситуации, в которые попадают герои, читатель встретит на каждой странице. Читайте!

Содержание

Илья Тамигин	5
Чёрный Тамбовский Волк	6
От Автора	7
Пролог	9
Часть первая: Отрок	12
Глава первая	12
Глава вторая	30
Глава третья	46
Глава четвёртая	61
Глава пятая	78
Глава шестая	95
Глава седьмая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Черный Тамбовский Волк

Полусказка

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2022

ISBN 978-5-0056-7279-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Тамигин

Встаёт заря во мгле холодной,

На нивах шум работ умолк.

С своей волчихою голодной

Выходит на охоту волк.

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Волк – санитар леса!

Плакат на стене женской консультации

Чёрный Тамбовский Волк

Посвящается единственной и неповторимой
подруге всей моей жизни: жене Наташе

От Автора

Все события, механизмы, географические названия, имена начальников и руководителей, пароли и явки, названия кулинарных произведений и животных, а также синий цвет вымышлены. Настоящие в этом произведении только жизнь, смерть и любовь.

Тем не менее, Автор слышал кое-что о кое-ком кое-где, что очень может быть правдой. Если кто-нибудь отыщет сходство кого-либо с кем попало в этом произведении, то пусть радуется, что ему повезло!

Пролог

В давние-давние времена, при царе Алексее Михайловиче Тишайшем, жил на Тамбовщине, в вотчине боярина Голенищева, в селе Ловчиха мужик. Пришёл в деревню и остался жить. А откуда пришёл – никто не знал. Назвался Демьяном. Станный был мужик, нелюдимый, без креста на груди и в церковь никогда не ходил. Однако справный оказался хозяин и зажиточный: лето за зиму, оброс он хозяйством не хуже других. Дом срубил, скотиной обзавёлся. Землю, однако, не пахал. Плотничал да столярничал, хорошо зарабатывал. А ещё охотился удачно: то лося возьмёт, то кабана. Сам не сидел без мяса и односельчанам продавал. Удивлялись люди: как Демьян на охоту ходит без собаки? С псом-то, куда, как способнее! Но не было у него в хозяйстве ни собаки, ни кошки.

И жила в том же селе молодая вдова Дарья. Красавица писаная! Ликом бела, да лепа, станом стройна, да дородна, косы золотые до самых пяток. Очи синие-синие, как васильки во ржи! Летошний год ейный муж-кузнец килу нажил, помучился с неделю, да и отдал Богу душу. А одной жить худо, да трудно, тем более в двадцать-то лет.

Увидал Демьян Дарью, когда она из церкви шла. Снял шапку, поклонился: разреши, говорит, красавица, тебя до дому проводить? Глянула на него Дарья: с лица при-

гляден, борода да волосы кудрявые. Не кривой, не хромой, не рябой – всё при нём! Что ж, говорит, проводите! Так и пошло: сперва встречались они, а потом и сошлись. Дело-то молодое! Переехала Дарья на его жилплощадь, и стали Демьян и красавица кузнечиха жить вместе, как муж и жена, но без венца. Осуждали её бабы за это, но недолго.

Пошла однажды Дарья за грибами-ягодами в лес. А по лесу тому ехал боярский сын, Аристарх Голенищев. Увидал красавицу и давай к ней приступать: будь, говорит, моею прямо сейчас! Озолочу! В шелках-бархатах ходить будешь, заморские помидоры каждый день кушать будешь, да пряниками заедать! Спать будешь на перине пуховой, шелковой простышкой застеленной! Что и говорить, богатые посулы. Только Дарья так отвечала: я мужняя жена! И ничего этого мне не надобно. Попытался тогда Аристарх её насильничать. Да вырвалась Дарья, и в болото убежала. А боярин в болото лезть не стал, побоялся сапожки запачкать али, вообще, утопнуть. Ничего, кричит, я тебя всё равно достану! Не сейчас, так позже! Не мытьём, так катаньем!

Пришла Дарья домой и всё мужу-то и рассказала. Как смаживал её Аристарх богатыми посулами, как насильничать пытался, как грозился, что всё равно своего добьётся. А Демьян и говорит: не печалься, Дарюшка, а ложись спать. Утро вечера мудренее. Остынет боярин за ночь. Слыхано ли дело: жену от мужа насильно взять? Царь-батюшка его за это по головке не погладит!

Ан, не остыл боярский сын! Ещё пуще распалился за ночь, красы Дарьины вспоминая. На другой день приехал с тремя оружными холопами. Выходи, кричит, Дарья Вла-сьевна, поедem в мой терем! Трижды взывал, да не вышла баба. А, как четвёртый раз крикнул, отворилась дверь из-бы, и выскочил волк чёрный! Прыгнул, да Аристарху кадык и вырвал. Холопы с перепугу кто куда разбежались. Пошла по деревне нехорошая молва, что Демьян оборотень, волко-лак. Боярин Леонтий Голенищев розыск учинил. В смысле, послал ярыг своих разобраться. Схватили они Демьяна и, как тогда принято с колдунами было, в бане сожгли. А Дарью не тронули. Родила она в положенный срок мальчонку. Кре-стили младеня по отцу, Демьяном, но прозвище прилипло «Чёрный».

Часть первая: Отрок

Глава первая

– Ой-ёй! А-а-а-а!!!

– Ну, что ты орёшь, как будто тебя режут? У тебя ж весь пар в свисток уходит! Захлопни рот и тужься! Тужься, тебе говорят! Ходи на низ! Во-от, вот... Теперь потужься от себя, без схватки... Есть! Вылез!

Худенькая женщина в изнеможении прикрыла глаза. Живот, только что бывший огромным и тяжёлым, опал и внутри ощущалась пустота и лёгкость.

– Кто... у меня?

– Мальчишка! – довольным голосом сообщила немолодая акушерка Васильевна, – Складный такой... щас, форсунки прочищу...

Муж её служил машинистом на паровозе, поэтому она частенько употребляла железнодорожные термины в своей речи.

Акушерка отсосала из носа слизь резиновой грушей и безжалостно шлёпнула новорожденного по попе. Раз, другой... Раздался негодующий вопль.

– Завёлся! Во, смотри!

Васильевна, ловко держа младенца пузиком на ладони

и придерживая другой рукой за попку, поднесла его к лицу матери. Та поправила очки, всмотрелась:

– Ой! Лысый совсем! И лиловый какой-то!

– Ну, а ты как хотела? Знамо дело, лиловый да лысый. Они все так, поначалу!

Женщина хотела что-то сказать, но тут родилось детское место, и она промолчала. Васильевна тем временем взвесила и измерила мальчишку, щедро натёрла растительным маслом и запеленала. Малыш лежал на пеленальном столе в дальнем углу родильного зала, крепко зажмутив глаза и забавно чмокая губами.

– Три кило ровно! – одобрительно хмыкнула акушерка, – Сорок восемь сантиметров. Нормальный парень, любительский.

Она села за стол и принялась записывать всё вышепроизошедшее в историю родов.

Вошла старенькая санитарка тётя Мотя.

– Ну, что, касатка, справилась? А уж вопила-то! Кого родила-то?

– Мальчика...

Тётя Мотя сделала несколько шагов к пеленальному столу, чтоб посмотреть на новую жизнь, чудесным образом появившуюся в мире, но вдруг замерла, как на стену налетела. Вместо лица младенца она увидела... щенячью мордочку! Это длилось какой-нибудь миг, а затем что-то колыхнулось в воздухе и... видение исчезло! Тряхнув головой, сани-

тарка всмотрелась: младенец, как младенец, как все младенцы. Нос пуговкой, реденькие бровки. Лопухий!

«Привидится же такое!» – с досадой подумала тётя Мотя, а вслух заругалась и перекрестилась.

Календарь утверждал, что на дворе 28 августа 1966 года. Матч за третье место чемпионата мира Португалия-СССР был в разгаре. Отец мальчика с друзьями смотрел телевизор в Красном Уголке воинской части и волновался о прорвавшемся по краю к вражеским воротам Малафееве.

– Ну! Ну!!! Пинай, наконец, мячик! ... Го-о-о-ол!

Телефонный звонок вырвал его из сладких грёз о победе наших.

– Алё! Да, Чёрный слушает. ... Откуда, откуда? ... Кого-кого? ... Ага...

Он торопливо повесил трубку: Эйсебио опасно приближался к воротам!

– Чего звонили-то, Коля? – поинтересовался старлей Самойлов, когда наши отбили атаку.

– А, с роддома. Сказали, сын родился, – отмахнулся папаша, вновь влипая взглядом в экран.

Молоденькая лаборантка Таня озадаченно уставилась на стеклянную планшетку: определить группу крови новорожденного Чёрного не удалось! То-есть, ни с одной известной группой результат не совпадал! И формула крови была

странная...

– Амалия Аркадьевна! – позвала она заведующую лабораторией, сидевшую за соседним столом, – Посмотрите, пожалуйста, а то я ничего не понимаю!

Заведующая подошла, поправила очки, всмотрелась.

– Странно... Никогда такого не видела. Это называется «химера», Танюша.

– Так, какую группу писать-то?

Заведующая задумалась.

– Переделать придётся. Вдруг ошибка?

Переделали. Получилось то же самое.

– Пиши: группа крови – X.

Роды у гражданки Чёрной прошли без осложнений, поэтому её с сыночком выписали домой на пятый день. Папка, капитан-вэдэвэшник Чёрный, отпросившись со службы, встретил их как положено, с букетиком тюльпанов и на машине. И стали они жить-поживать...

Итак, семья: Чёрный Николай Александрович, Чёрная Алла Семёновна, в девичестве Куля, Чёрный Роман Николаевич.

Алла закончила консерваторию и преподавала фортепьяно в единственной музыкальной школе Моршанска. Моршанск, если кто не знает, находится в Тамбовской области. Райцентр.

Ромка рос, как все ребяташки, особых хлопот родителям не доставляя. Ну, вопил по ночам, пачкал пелёнки, пisałся отцу на китель, срыгивал с пережору. Так это ж нормально! Что примечательно: никогда не болел. Ни тебе насморка или, там, поноса. Внешность его была, однако, несколько необычная: жёлто-зеленоватые глаза и лопоухие, слегка заострённые уши без мочек. Когда подросток и стал ходить в детский садик, дети его за это дразнили «Ушастиком», но после нескольких драк перестали.

Вот и в школу пошёл, достигнув семилетнего возраста. В втором родительском собрании учительница Изольда Марковна (педагогический стаж двадцать три года!) похвалила Рому, сказав, что усидчив и внимателен, но слишком азартен на уроках физкультуры, пытается победить соперников во что бы то ни стало, будь то игра в футбол или бег наперегонки.

– Даже может толкнуть или ударить! Вы с ним поговорите, пожалуйста, Николай Александрович!

– Поговорю, обязательно поговорю, Изольда Марковна! – пообещал папа Чёрный, к тому времени уже дослужившийся до майора.

В глубине души он был доволен, что сын проявляет мощную волю к победе.

Рома уже в первом классе научился бегло читать, а к своему восьмому дню рождения читал с удовольствием про себя. Любимые книги были о животных: Виталий Бианки,

Сетон-Томпсон. Алла раздобыла для него Джека Лондона, и парня было невозможно оторвать от «Белого Клыка», «Зова Предков» и «Джерри Островитянина». По вечерам книгу приходилось отнимать со скандалом. Роман пытался хитрить, читать с фонариком под одеялом, но, увы! Родители беспощадно пресекали эти поползновения. Отбирали и фонарик, и книгу под смехотворным предлогом, что зрение испортится.

– Будешь носить очки, как мама, и в армию тебя не возьмут! – пугал мальчишку отец.

– Ну, очки, ну, и что? А без армии я обойдусь как-нибудь! Отец-майор встревожился:

– Как это, без армии обойдёшься? Ты же мужчина! Твой долг такой: Родину защищать!

– Ну, хорошо, – нехотя согласился отпрыск, – Не буду с фонариком читать.

– Дай честное слово, что не будешь! – встряла мать.

– Не дам, – вдруг очень твёрдо и очень по-взрослому отрезал Роман.

– Это почему? – изумилась Алла.

– Повод пустяковый. Честное слово можно давать лишь в исключительных случаях, важных, потому, что его надо соблюдать изо всех сил.

«А, ведь, он прав!» – подумал отец с уважением.

Роман ушёл в свою комнату. Подумаешь, фонарик! Он и без него в темноте видит отлично! Света из окна достаточ-

но, чтобы буквы разбирать, особенно, если Луна на небе.

Если с учёбой и чтением всё было хорошо, то музыку Чёрный-младший не переносил совершенно. Ни по радио, ни, тем более, мамину игру на пианино. Сразу возникало беспокойство и сумбур в мыслях, а если он был вынужден слушать дольше нескольких минут, то хотелось прямо-таки завывать! Поэтому, когда к матери приходили ученики, Рома уходил из дому. Или гулять, или к товарищу Серёге, играть в шашки и солдатики. Ещё он часто ходил в отцовскую воинскую часть. Ему там нравилось: офицеры и прапорщики учили разным приёмам рукопашной, давали поддержать и даже почистить автомат. Ещё бы: сын комбата! Однажды, на занятиях новобранцев, прапорщик Приходько подозвал Рому:

– Ну-ка, покажи им разборку-сборку автомата на скорость!

И десятилетний мальчик показал! Десять секунд! С завязанными глазами! Бойцы уважительно загудели.

Так и шло время. Учился, читал книги, занимался спортом (гимнастикой), дружил, ссорился и мирился. А в неполные тринадцать лет с ним впервые случилось ЭТО.

Начиналось половое созревание: робкие утренние эрекции, аморфные, без конкретики, эротические сны, жёсткие волоски на лобке.

Стоял жаркий июль. Родители ушли в гости, и мальчик на целый вечер оказался предоставленным самому се-

бе. Темнело. Выйдя на балкон, Роман посмотрел на вечернее небо: звёзды уже заняли свои места в строю созвездий, а, вот, Луны не было. Воздух был чист и прозрачен, пахло цветами и остывающим под окном мотоциклом соседа Петьки. Вернувшись в комнату, Роман решил раздеться, чтобы хорошенько рассмотреть свою фигуру в мамином трельяже. Он занимался культуризмом уже три месяца, мечтая о бицепсах величиной с дыню, и кубиках на животе. Сняв с себя всё, подошёл к зеркалу, повертелся, принимая героические позы. Зеркало отразило пацана среднего роста, скорее, худощавого, чем упитанного. Писюн вроде подросток... Нет, результатов от гантелей пока не видно... Вдруг захотелось... непонятно чего... увидеть себя, но по другому... Что-то внутри него зашевелилось, просясь наружу. Хруп! О, ужас! По телу прошла горячая волна, зрение на миг помутилось, а в следующий момент он потерял равновесие и упал на вытянутые руки. Нет, не на руки! На лапы! Толстые собачьи лапы с когтями! Резко обострилось обоняние. Все запахи квартиры хлынули в нос, но, как ни странно, не смешались, а ощущались каждый отдельно: мамины духи, все три флакончика, стоявшие на трюмо, не перебивали запахи отцовской португалии и сапог в прихожей. Из кухни несло подгоревшим жиром из духовки, в которой вчера жарилась курица. Роман попытался встать на ноги. Это не удалось, пришлось опираться на трюмо руками... нет, передними лапами. Из зеркала на парня смотрел пёс! Нет, не пёс, а волк! Подросток, да. Но шкура

была чёрная, как смоль.

То, что он видит именно волка, а не собаку, Роман понял совершенно отчётливо: чай, книг немало прочитал, Брэма в том числе, и в зоопарке был совсем недавно. Правда, о чёрных волках он не слышал.

Отражение послушно открыло пасть, продемонстрировав здоровенные зубы. Третий верхний слева был немного кривой, как и у Романа-человека. На лестнице послышался шум: сосед задел за перила чем-то железным. Уши волка сторожко шевельнулись. Опустившись на пол, Роман задумчиво прошёлся по комнате.

«Хвост, надо же!»

Он попробовал им повилиять. Удалось! Но, как его применить в жизни? Непонятно...

Зрение тоже изменилось. Он видел вдаль как бы не так отчётливо, и цвета были тусклее, но зато периферическое зрение расширилось необычайно, лишь слегка повернув голову, возможно было видеть собственный хвост.

«Это будет моя тайна!» – твёрдо решил Роман, – «Об этом никому рассказывать нельзя. Даже Серёге, тем более маме с папой».

Зажмурив глаза, представил себя снова человеком. Получилось! Открыв глаза, увидел себя стоящим на четвереньках. Встал, снова посмотрелся в зеркало. Вроде, всё как было. Повернулся: хвост исчез! А ну-ка, ещё разок! Бац! Волк! Р-раз! Человек! Вот это да! Кинув взгляд на настенные часы,

быстренько оделся: скоро должны были вернуться родители. Улёгся с книжкой Джека Лондона на диване, но приключения Смока и Белью не лезли в голову.

«Надо будет в лесу попробовать превратиться... побегать и вообще!»

Родители появились через четверть часа. Довольные, весёлые. От отца, прошедшего близко от дивана, сильно пахло водкой.

– Сын! Ты что тут делал? – раздался его голос немного погодя, – Чем пол поцарапал?

Роман встал с дивана, всмотрелся: на полу, и впрямь, виднелось несколько царапин. Так, слабеньких, даже краску не повредило.

– Это не я, – полусоврал он, ибо царапины были от когтей другого «Я», волка.

Отец, по службе десантник, а в свободное время – охотник, пригляделся получше:

– Ты, что, собаку приводил? Собачьи когти!

– Ну, как бы... – уклончиво промямлил Роман.

– Кормил, что ли?

– Нет.

Николай Александрович вздохнул:

– Не можем мы собаку завести, сынок. Мать их терпеть не может, да и я тоже... не люблю.

– Да я и не прошу!

– Ну, вот и ладно.

Отец сделал вид, что хочет дать сыну подзатыльник. Угрожающий жест, усугублённый запахом водки, подействовал на Романа неожиданным образом: ощерившись, он клацнул зубами, едва не укусив опускающуюся руку. Только воспитанная годами тренировок реакция спасла старшего Чёрного от членовредительства, несмотря на то, что был он выпивши.

– Ты что, сынок? – ошарашено вскрикнул он.

Роман уже опомнился. Виновато опустив глаза, пробормотал:

– Прости, батя. Сам не знаю, как это получилось...

Соскочил с дивана и пошёл в ванную чистить зубы. Пора было ложиться спать. Отец задумчиво посмотрел ему вслед.

Зубы Роман чистил долго, сравнивая их с волчьими, и пришёл к выводу, что они раза в три меньше.

На другой день поехал на велике в лес. От дома было близко, всего два километра. Лес был ненастоящий, скорее, лесопарк. Полно тропинок, да и трава сильно истоптана. Там и сям на полянах кострища, мусор, битые бутылки. Людей, впрочем, было мало: вторник – день будний. Детей не было вовсе: мелкота сюда не ходила, а ребята постарше, вроде Ромы, всё лето предпочитали проводить на речке. Настоящий лес, где можно было собирать грибы, ягоды и орехи, находился километров за десять, но ехать туда было лениво. Да и нетерпение одолевало!

Найдя подходящее укромное место, Роман спрятал в ку-

стах велосипед и одежду. Зажмурился, вызывая в себе образ волка... Ничего! Попробовал ещё раз. Опять безуспешно! Что-то шевельнулось на другом краю поляны. Парень оглянулся туда... Есть! Он стоял на четырёх лапах и отчётливо чувствовал запах белки! Не раздумывая, бросился туда. При виде его белка стремительно взвилась на сосну и сердито зацокала оттуда.

«Самец!» – понял преобразившийся Роман, потянув воздух влажным кожаным носом, – «Как будет белка мужского рода? Белк?»

Стало смешно. Прислушавшись и приняхавшись, убедился, что посторонних вокруг нет. Вот и хорошо! Можно исследовать способности нового организма без помехи! Прежде всего, не спеша обошёл поляну. Запахи, запашочки, запашищи... Ой, чем это воняет? О, пузырёк из-под ацетона! А вот и интересное:дохлая ворона! Запах от неё крепкий, но не противный. Мелькнула мысль поваляться на ней, чтобы отбить свой собственный запах. Сдержался, конечно. Зачем?

«Чем бы ещё заняться?»

Он лёг в траву. Хотелось побегать, но это претило: волк бегают, догоняя добычу или скрываясь от охотников. А бегать просто так, для физкультуры, новое тело возражало! Оно, вообще-то, подчинялось безукоризненно, но определённо влияло на ход мыслей, и само собой виляло, например, хвостом, и двигало ушами.

Роман хихикнул, и тело отозвалось влиянием хвоста.

«Нет, надо же! Он мои переживания отражает!»

Мальчик-волк лежал неподвижно, втягивая носом запахи. Каждая травинка, каждый цветок пахли отдельно и по-своему, не смешиваясь. Запахи были ближние и дальние, слабые и сильные, и этот поток всё время изменялся от ветра. Прямо, симфония какая-то! Ветер, кстати, был слабый, северо-восточный.

От восторга и уймы новых впечатлений-ощущений пересохло во рту, и Роман пошёл на запах воды, доносившийся из-за берёзовой рощицы. Вот и лужа! Большая, метра три в диаметре и глубиной в полметра. Вода с виду чистая, прозрачная. Роман с сомнением остановился, ибо пить из лужи было как-то стрёмно. Но вспомнил рассказы вояк о курсе выживания: воду можно пить любую! Ну, кроме очень грязной или отравленной химией. Принюхался: нет, никакой химии. Значит, можно пить, тем более, волку. Вода оказалась вкусная. Напившись, он увидел на другом берегу толстенькую лягушку. Скорее из озорства, чем движимый голодом, он прыгнул. Лягушка и охнуть не успела, как мощные челюсти сомкнулись на её голове. Проглотив трепещущее тельце, Роман облизнулся от удовольствия и поразился, насколько длинный у него язык! Чуть ли не до бровей достаёт!

До ноздрей донёсся запах собаки, недавно вымытой с шампунем, и человека, старика с папиросой. Они проходили метрах в семидесяти, и видеть Романа не могли. Судя

по суетливым прыжкам собаки и бестолковому гавканью, это была комнатная мелкая сучка из декоративных. Роман замер, припав к земле, не желая, чтобы его обнаружили. Но пара приближалась. Ветер дул с их стороны, и собачка не могла почуять «Властелина Чащи», как мысленно называл себя Роман. Но, когда расстояние сократилось до десяти метров, стало ясно, что встречи не избежать. Роман встал и громко зарычал, восхитившись, как здорово это у него получилось. Собачка, оказавшаяся болонкой, выпучила глаза, описалась, и с пронзительным истерическим визгом кинулась к хозяину. Тот, увидав кошмарное чудовище, сделался серым с лица, подхватил своё домашнее животное на руки и прыгающими губами крикнул:

– А ну, пошёл отсюда, волчара! Кыш! Кыш!

Болонка в панике карабкалась ему на голову. Роман, довольный произведенным эффектом, счёл за благо убраться восвояси. Не спеша повернулся и потрусил к спрятанному велосипеду.

Превращение в человека прошло легко. Одевшись, парень сел на своего железного коня производства Харьковского велозавода и покатил домой. Первый опыт прошёл удачно! Он теперь знал возможности своего нового тела. В следующий раз он поедет в дальний лес и попробует поохотиться...

Отставной бухгалтер хлебозавода, в смысле, пенсионер Перунов, наевшись валидолу, вернулся домой с болонкой

Нюсей на руках. Та нипочём не желала идти сама. Во дворе его окликнули товарищи по борьбе за звание чемпиона по игре в домино, такие же пенсионеры:

– Михалыч! Иди к нам! Пивка глотни!

Подойдя к столу, Перунов тяжело опустился на лавочку. Нюся неохотно слезла на землю, но прижалась к ноге хозяина, всё ещё подрагивая от переживаний.

– Ты чего такой? – озабоченно спросил бывший слесарь Семён, мешая костяшки, – Прямо, лица на тебе нет!

– Ой, что было, мужики! – потряс головой Пётр Михайлович, беря со стола чью-то откупоренную и уже наполовину пустую бутылку «Жигулёвского» пива, – Прямо жуть!

Он присосался к бутылке. Острый кадык ритмично задвигался в такт глоткам. Товарищи напряжённо созерцали, поняв, что сейчас последует необычная история.

– Пошли мы, значит, с Нюсей гулять. Погода прекрасная, я и решил в лес сходить, чтоб подольше. И Нюсеньке полезно, а то она в последнее время что-то поправляться начала.

Он прервался, чтобы закурить. Пыхнув беломориной, продолжил:

– Идём, значит, вокруг красота и благолепие, полная гармония стихий. Я Нюсю с поводка спустил, она бежит, веселится. И вдруг! Из кустов волк! Как прыгнет! Как зарычит! Нюсенька меня пыталась защитить, да где там! Она ж ему на один зуб! Я её на руки подхватил и шумлю, значит: кыш, проклятый, кыш! А у самого поджилки трясутся... и чуть

в портки не напустил. А волчара этот забздел с нами связываться! Ну, как же, нас двое, а он один! И убежал...

Папироса догорела до картона, и Перунов прикурил новую.

– Не поверите, валидола три штуки иссосал, пока в себя пришёл!

– Ёпэрэсэтэ! – воскликнул Семён, восхищённо качая головой, – Здорово ты его, Михалыч! Тебе бы укротителем в цирк!

– А волк... какой он был-то? – спросил Иван, бывший водитель автобуса.

Герой дня задумался.

– А, знаете, мужики, необычный был зверь! Чёрный, как головёшка!

Подумав ещё немного, добавил:

– И молодой! Не матёрый, значит.

Все оживлённо заспорили о странном чёрном волке, о волках вообще, о том, что в округе их с самой войны не видели. Турнир по домино был забыт. Семён сходил домой и принёс поллитровку, стакан и четвертинку чёрного с салом и луком. Все трое выпили по сто шестьдесят семь граммов, хотя, обычно, по будням воздерживались от беленькой. Но повод был особый: не каждый день человек одерживает победу над диким зверем! Моральную победу, да!

Вернувшись домой и затащив велосипед на балкон, Ро-

ман долго пережёвывал свои приключения. Как он лягуху-то поймал! С одного прыжка! Вот, только, не понял, вкусная она была, или нет. Вспомнив болонку, попытался рыкнуть, но из горла раздался невнятный хрип. Да-а, волк – это тебе не кто-нибудь!

«Завтра же поеду в дальний лес! На целый день! Поохочусь, а, может, опять кого-нибудь напугаю!»

Вечер провёл валяясь на диване и смотря телевизор. Показывали сериал «Майор Вихрь», целых две серии подряд. Родители появились только к ужину.

– Как день прошёл, сынок? – поинтересовался отец, переобувшись в домашние тапочки.

– Нормально, батя. Съездил в лес, погулял от души. Там так пахнет замечательно!

– В какой лес? В наш, ближний? – встревожено отозвался отец, – А с кем? С Серёжей?

Роман пожал плечами:

– Не, я сам по себе.

– Ой, смотри, сынок, – вмешалась мать, – В нашем-то лесу нынче волка видели! Человек с собачкой гулял, а тут из кустов волк! Чёрный, страшный! Но собачка храбрая оказалась, кинулась на него с лаем, да и дядечка тоже...

– Кинулся?! На волка? – обомлел сын.

– Нет, руками отмахался и криком напугал. Волк и убежал! Трусливый оказался. Так что, не ходи туда. Мало ли что!

– Да, мам, конечно, мам.

Глава вторая

Утром Роман встал пораньше, когда родители ещё спали. Тихонько, чтоб не разбудить, позавтракал яичницей с колбасой, вывел с балкона велосипед и покатил по влажному от росы асфальту. Ехать пришлось довольно долго, минут сорок, в основном по просёлочной дороге. Вот и дальний лес! Забравшись подальше от дороги, спрятал велосипед и одежду, навалив веток и сухой травы. Огляделся: подходящее место! Заросли орешника, за ними березнячок с полкилометра шириной. Ветерок приятно охлаждал разгорячённое тело. Вперёд! В смысле, даёшь превращение! ... Ура! Получилось без задержки!

Опустив нос к самой земле, Роман медленно двигался по расширяющейся спирали, надеясь наткнуться на след какой-нибудь дичи. Так, ёжик... Это неинтересно. Дальше, дальше... Он ушел довольно далеко от своей «базы» и кружил уже более часа. О! Наконец-то! Заяц! След читался отчётливо, не только запах, даже отпечатки лап были различимы.

«След-то, свежий! Вон, кое-где даже травинки примятые не распрямились ещё! Ну, заяц, погоди!»

Широкими прыжками он понёсся через березняк. Заяц был где-то совсем близко, уже можно было различить его живой запах. Чуть правее... Есть! Вон он, ушастый! Заметил

охотника, улепётывает во всю мочь!

«Врёшь, не уйдёшь!»

Ветер свистел в ушах. Хвост помогал выдерживать направление и баланс. Земля была ровная, без кочек и ямок. Роман настигал добычу! Заяц в панике сделал скидку, прыгнул в сторону, затем ещё раз, но это не помогло. Волк уверенно догонял, и скорость его превышала заячью. Впереди показалось болотце, и длинноухий свернул вправо. Это было его роковой ошибкой, ибо он потерял скорость, и Роман одним прыжком настиг его. Челюсти сомкнулись на спине с силой железного капкана. Брызнула кровь. Заяц отчаянно вскрикнул и замолк, обмякнув.

«Во, прямо, как человек вопит! Значит, Бианки не выдумал!»

Роман осторожно положил серенькое тельце на траву. Не такой уж и большой, как в книгах пишут. Как его есть-то? Шкура-то, волосатая! Осторожно прокусил живот. Вот она, печень! Вкусная, зар-раза! А это что, сердце? Тоже годится! Покончив с внутренностями (особенно понравились почки), он желудок и кишки есть не стал, а старательно слопал ещё трепещущее мясо, придерживая шкуру лапой и легко разгрызая кости. Разгрыз и голову. О, мозги! Прямо, деликатес! Приятная сытость затопила сознание эйфорией. Странно, дома, сколько ни ел всяких вкусняшек, а такого удовольствия не испытывал! Может, потому, что кровь раньше не пробовал?

Полежав с часок, почувствовал, что сил ощутимо прибыло.

«Добрая была охота!»

Чем бы ещё заняться? Роман принялся бесцельно кружить по лесу, наслаждаясь симфонией запахов. Муравейник! Пахнет, прямо-таки, оглушающе! Кислым чем-то. Вспомнил, как они с Серёгой прошлым летом совали в муравейник травинки и лакомились крупными рыжими муравьями. Точно, приятная, такая, была кислинка! А вот в кустах гнездо! С птенцами! Что за птицы? Есть не стал. Пробежав ещё несколько шагов, наткнулся на осиное гнездо, пахнущее вроде мёдом. Быстренько убрался. Ну, их, ос этих! Вдруг кусаться начнут? Так-то шкуру не прокусят, а вот, нос или глаз – запросто! ... Надо будет в энциклопедии посмотреть, делают они мёд, или нет.

Роман наслаждался новым восприятием мира. Запахи преобладали, звуки были на втором месте, зрение на третьем. А ещё он точно знал, где находится, в смысле, насколько далеко и в каком направлении его «база». Слово «заблудиться» более не имело смысла! Напав на след ласки, он погнался за ней чисто из спортивного интереса, но не догнал, зверушка юркнула в нору. Попытался её откопать, но быстро надоело, только морду глиной перемазал. Нашёл ручеёк, напился, и улёгся на берегу вздремнуть. Но и во сне слышал и чуял дыхание леса. Проснувшись, посмотрел на солнце. Эге! Время к пяти часам! Пора и домой, а то родители вол-

новаться будут.

Возвращаясь, наткнулся на обвалившийся блиндаж времён войны. В человеческом облике Роман бы его не заметил, ибо блиндаж выглядел как холмик, поросший травой, но оттуда отчётливо пахло железом, сгнившей кожей ремней и смертью. Давнишней смертью двух мужчин и женщины.

«Надо будет с Серёгой сюда завтра приехать! Вдруг, интересное что найдём?»

Домой добрался только к ужину. Родители, конечно, уже волновались и сделали втык за пропущенный обед.

– Да, ел я, мам! Ел! – опрометчиво брякнул Роман.

– Интересно, что это ты ел? – саркастически сдвинула брови Алла.

– Что, что... Зайца в лесу поймал!

Отец захохотал.

– И на костре зажарил?

– Нет, я его сырым съел!

Алла вздохнула и осуждающе погрозила пальцем:

– Ну и шуточки у тебя... армейские!

Николай обиделся за армию и, надувшись, заявил, что ему странно слышать такое отношение к армии из уст жены военного офицера. Мать переключилась на него, и из-за этой мелкой перебранки Роман выпал из родительского поля внимания.

Серёга воспринял идею раскопать блиндаж с энтузиаз-

мом.

– Конечно, поехали! Только на дачу к нам за лопатой за-
скочим.

Предупредив родителей, что уезжают на целый день, и, прихватив бутерброды с колбасой и две фляжки воды, мальчишки отправились на дачу Ивакиных за лопатой. Взяли также, на всякий случай, мощный фонарик. Дача, к сожалению, была не по пути, от неё до блиндажа пришлось пилить километров шестнадцать, поэтому ребята немного устали. Слезши с велосипедов, они первым делом разожгли костёр. Серёга с таинственным видом достал сигареты. Болгарские, «Стюардесса» с фильтром.

– Будешь? – спросил он, улыбаясь.

Ни он, ни Роман этого удовольствия ранее не испытывали. Но в жизни всё надо попробовать! Они закурили, осторожно втянули дым... Жуткий кашель сотряс оба мальчишеских тельца! Тем не менее, они, отдышавшись, повторили попытку. На этот раз дым проник в лёгкие без осложнений. После нескольких затяжек у Романа закружилась голова, стало приятно, а Серёга, наоборот, побледнел до зелёного цвета и, вскочив, отбежал в кусты. До Романа донеслись рыгающие звуки. Вернулся товарищ со слезящимися глазами.

– Ой, хреново мне! – простонал он, хватаясь за фляжку.

Роман с превосходством во взоре выпустил дым через ноздри, совсем, как взрослый, и длинно сплюнул в костёр. Слюна от табака била фонтаном. Однако, по большому счё-

ту, курить ему не понравилось, ибо мгновенно притупилось обоняние. Вдруг оно и в волчьем состоянии страдает?

Дождавшись, когда Серёга оклемался, принялись за раскопки. Лопата была одна, поэтому копали по очереди. За два часа откопали вход, ещё три часа пыхтели, растаскивая сгнившие брёвна провалившейся крыши. Хорошо, что не толстые, так, сантиметров десять или пятнадцать. Расчистив, наконец, операционное поле, сели отдохнуть и перекусить. Через полчаса приступили к обследованию блиндажа. Нашли три черепа и множество костей, две ржавых и дырявых немецких каски, значок «Стальной Шлем» в прекрасном состоянии, и эсэсовский кинжал в ножнах, к сожалению проржавевший до дыр и развалившийся на куски при попытке его вытащить из ножен. Рукоять из красного дерева, впрочем, сохранилась.

– Можно будет к ней другой клинок приделать! – размыслил Серёга.

Нашли также совершенно ржавые остатки ручного пулемёта и пистолетную кобуру, совершенно неповреждённую, как ни странно. Каски решили с собой не тащить. Взяли только рукоять от кинжала, значок и кобуру. И два медальона с цифрами и буквами на цепочках. Чрезвычайно довольные своими достижениями, поехали домой.

Папа Коля, увидев трофеи, посерьёзней лицом:

– Немцы, значит. Трое, говоришь?

– Ага, трое.

– А медальонов только два нашли?

– Два, батя.

– Странно...

– Да, чего ж странного? Двое мужчин, солдаты, а третья – женщина, гражданская.

Отец вытаращил глаза:

– С чего ты взял, что там женщина была?!

Роман уже открыл рот, чтобы сказать: «по запаху», но спохватился и пожал плечами:

– Касок две, сапог сгнивших тоже две пары. Значит третий – тётка!

– Да, логично... – задумчиво кивнул отец.

Они с Серёгой съездили туда ещё раз, но больше ничего ценного не нашли. А ещё через две недели семья Ивакиных переехала в Прибалтику – отец получил туда назначение. И Роман остался без друга...

Месяц спустя, уже перед самым новым учебным годом, Роман снова резвился в лесу. Зайцы всё это время не попадались ни разу, лишь однажды удалось поймать какого-то дрозда. Но это было неважно! Свобода, сильное звериное тело, уйма новых ощущений – вот, что радовало выше крыши!

Уже через час после приезда и превращения Роман почувствовал человеческий запах. Потянул носом внимательнее: девочка, что ли? И тоже на велосипеде приехала! Стало инте-

ресно. Бесшумно скользя по мокрой (ночью был дождь) траве, он подкрался к источнику запаха, но нашёл только спря-
танный велик и одежду! Портки-техасы, рубашку, свитерок,
кеды... и трусики! Понюхал их внимательно: точно, девчон-
ка! А ещё он учуял свежий волчий след! Вот это да! Зна-
чит, он не один такой... Вдруг сильный удар в бок сбил его
с ног, и Роман увидел над собой оскаленную пасть с вывален-
ным розовым языком. Волчица, тоже чёрная, улыбалась. Он
медленно поднялся на лапы и церемонно обнюхал её. При-
мерно его возраста... в смысле – не взрослая, тоже подро-
сток. Волчица тоже с интересом обнюхала его, где положено,
и снова сморщила нос в улыбке. Затем побежала, оглядыва-
ясь. Не быстро побежала. Роман принял это за игру и после-
довал за ней. Но это была не игра. Остановившись на пля-
жке у ручья, она написала лапой на песке:

«Я – Оля»

Роман тоже представился. Затем они бегали наперегонки,
боролись, шуточно кусая друг друга за уши, лапы и загрив-
ки. Когда солнце начало спускаться к закату, они вернулись
к Олиному велосипеду. Сообразив, что она сейчас превра-
тится в девочку, Роман застеснялся и отвернулся. Через ми-
нуту услышал:

– Можешь повернуться!

Девочка была постарше него. Полненькая, не красавица,
но симпатичная. Круглое улыбчивое лицо с ямочками на ще-
ках и веснушками, косички до лопаток. Едва наметившаяся

грудь. Очки. Глаза карие. А, вот, уши тоже слегка лопухие, без мочек и заострённые! Роман ликовал: он встретил родственное существо! С ней можно играть, охотиться, делиться впечатлениями! Дружить!

– Давай, Ромик, перекидывайся! А то уже домой пора! – сказала Оля, погладив по голове «Властелина Чащи».

Роман лёгкой рысцой двинулся к своему велику, выбирая маршрут поровнее, чтобы Оле удобно было ехать за ним.

Едва вернувшись в состояние человека, он спросил:

– А ты давно?

– Не очень. С весны, – ответила Оля, – А ты?

– С июля.

Они ехали рядом и болтали, болтали, болтали. Выяснилось, что Оля старше на десять месяцев и учится в школе номер два. Роман учился в первой школе. Жила она, соответственно, в Железнодорожном районе, в то время, как Роман – в Кирпичнозаводском. Это наполнило его сердце некоторой грустью, ибо между упомянутыми районами была вражда. Ребят с «Кирпичиков», появлявшихся на «Чугунке», нещадно лупили местные. И наоборот, соответственно. Так что, сходить в гости к Оле было проблемой. Но это неважно! Чего им дома-то делать? Они будут встречаться в лесу!

– Ты на лыжах как, нормально? – поинтересовался Роман, – А то не успеешь оглянуться – и зима!

– На лыжах я не очень, чтобы очень, – вздохнула Оля, –

Но как-нибудь справлюсь.

Перед расставанием обменялись телефонами.

Начался учебный год. Роман пошёл в седьмой класс, а Оля – в восьмой. Они перезванивались каждый день, но встречаться в лесу могли только по воскресеньям. Как на буднях выберешься? Да и по воскресеньям не всегда получалось: то одно, то другое... Или погода плохая. В сентябре удалось встретиться только один раз. В октябре – два раза. Зато качественно! Они затравили зайца. Оля сидела в засаде, а Рома гнал ушастого на неё. Получилось! Перекушенного едва не пополам зайца съели вместе.

– Здорово! – похвалила потом Оля, – А я только мышек умудрялась ловить.

– Мы с тобой ещё и на лося ходим! – пообещал Роман, впрочем, не очень уверенно.

– Ну, уж и на лося! – засомневалась Оля, – Он же здоровенный, как конь, как его загрызёшь?

– Придумаем что-нибудь! Главное – найти его.

– А чего ж не найти! Они тут водятся...

В следующий раз, уже в ноябре, Роман поехал в лес один. Оля уклонилась, сославшись на нездоровье. День был замечательный, солнечный и безветренный. Забравшись подальше, туда, где он ещё не был, Роман принялся обследовать местность. Когда-то тут был хутор. Он нашёл покосившуюся

избу с остатками соломенной крыши, колодец, хлев. Останками людей не пахло. Но, зато, от полуразвалившейся печки сильно пахло ружейной смазкой! Покрутившись вокруг и убедившись, что самому ему не справиться без лома и кувалды, Роман решил рассказать о находке отцу. Охота в тот день была не очень успешная: удалось поймать только крота, неизвестно зачем выбравшегося на поверхность земли. Есть его Роман не стал.

Вернувшись домой, он застал отца за игрой в преферанс с тремя сослуживцами.

– Пас!

– Пика!

– Трефа! – отозвался отец, отхлебнув красненького.

– Ну, попутного пинка тебе в зад, Коля... А что это у нас в прикупе?

– Два туза!

– О! Как говорится, два туза – три взятки! Я на тебя вистов запишу соответственно!

– Контора пишет! Восемь крестей!

– Так, откуда у нас ход? От тебя, Саша... Вист!

– Пас! Ложимся?

– Ну, неужели!

...

– Та-ак... А черва-то, на одну руку легла! Саша, срочно в черву! А я её козырем!

– Гады! Ненавижу вас!

– Правильно, Коля! Потому, что мы тебе лапу отгрызли!
Согласен без лапы?

– Согласен, – понуро подтвердил отец, и отхлебнул ещё портвейна.

Наскоро поужинав, Роман ушёл в свою комнату. Разговаривать с отцом сейчас не следовало, дабы не навлечь на себя его неудовольствие. У майора было две страсти: футбол и преферанс.

Раскрыв семейную реликвию – книгу Сетона-Томпсона, изданную ещё в 1934 году, Роман нашёл место, где описывалась охота волков на оленя. Волк там прыгал не на загривок, как думал «Властелин Чащи», а под брюхо, и рвал живот, а потом ждал, пока олень упадёт, и перегрызал горло.

«Годится, пожалуй! Лось, он, ведь, тоже олень!»

Когда гости ушли, унося с собой два рубля сорок восемь копеек отцовского проигрыша, Роман вернулся в гостиную-столовую, она же родительская спальня.

– Батя! Я тут в лесу кое-что интересное нашёл! – сообщил он, – Давай, вместе съездим, а? Только лом надо взять и кувалду.

– Это зачем?

– Печку ломать. Там хутор заброшенный.

Глаза отца засветились кладоискательским блеском:

– Конечно, сынок! Я завтра выходной, возьму в части Газик... Там от дороги далеко?

- Не очень. Километров пять. Машина проедет запросто.
- Ну, тогда сразу после школы тебя подберу!

Путь, на который Роман потратил вчера более полутора часов, Газик преодолел за полчаса.

– Левее, батя! Теперь правее... Так держать! – командовал младший Чёрный, ощущая себя капитаном флибустьерского брига, идущего на захват испанского города (он недавно прочитал «Одиссею Капитана Блада» Рафаэля Сабатини).

Вот и развалины хутора.

– Однако! Далеконько ты забираешься, сынок!

– Так, интересно же!

Отец остановил машину и заглушил мотор.

– Ну, показывай!

Сын подвёл его к печке и показал пальцем:

– Здесь!

– А как ты угадал?

Роман показал на трещину, змеившуюся по правой стенке:

– Во, если принюхаться как следует, отсюда оружейной смазкой тянет!

– Ну, ты и нюхастый, сынок! А я, вот, ничего не чую...

– Это потому, что ты куришь, батя! – объяснил Роман.

– А ты? – прищурился отец.

– Я – нет. Пробовал, не понравилось.

Удовлетворенно крякнув, старший Чёрный взял лом

и приступил к поискам клада. Печка оказалась крепкая и, несмотря на трещину, сопротивлялась отчаянно. Но майор был могуч! Вот он, тихо матерясь, выворотил первый кирпич... дальше пошло легче! Через полчаса усилий в стене открылась ниша сантиметров тридцать на тридцать и столько же в глубину. Роман вытянул шею, заглядывая через плечо.

– Ну-ка, ну-ка! Что тут у нас?

Николай Александрович вытащил завёрнутый в истлевшую холстину свёрток, затем ещё один, поменьше, и чугунок, закрытый замазанной смолой крышкой.

В большом свёртке оказались два маузера в деревянных кобурах и коробка патронов!

– Вот это да!

Роман схватил один, вынул из кобуры. Густая смазка отлично предохранила оружие от ржавчины, воронёная сталь смотрелась, как новая! Отец нетерпеливо рвал ткань на свёртке поменьше. В нем оказался мешок из дублёной кожи, из которого матово сверкнули золотые монеты. В чугунке нашли серебряные царские рубли. Много!

– Ну, ты, сынок, молоде-ец! – восхищённо протянул майор и стиснул отпрыска в объятиях так крепко, что тот затрепыхался, боясь задохнуться.

Добычу перетасили в машину и принялись считать монеты. Золотых империалов с профилем Александра Третьего и Николая Второго пятьсот три штуки! Рублей с теми же

профилями – триста пятьдесят пять! Во время подсчёта отец отвлёкся закурить, и Роман заныкал один золотой – для Оли.

– Сдадим это эхо Гражданской Войны державе, получим свои двадцать пять процентов... На машину хватит, и ещё останется! – мечтательно поведал сыну отец.

– А маузеры, батя?

– Маузеры в наш музей отнесу. Продать же их нельзя!

Роману стало жалко таких замечательных вещей.

– А, может, один оставим на память?

– Нельзя! Огнестрельное оружие! Разрешение на него никогда не дадут!

– А если боёк вынуть и ствол просверлить? Ну, как в автомате учебном у нас в школе?

– Эй, да ты прав! Признают негодным... На стену, на ковёр повесим и будем хвастаться!

Оба рассмеялись.

Доля отца и сына Чёрных составила одиннадцать тысяч триста пятьдесят два рубля и сорок четыре копейки, с учётом того, что некоторые монеты оказались редкими, а потому дорогими. Огромные деньги! Один маузер (с просверленным стволом и без бойка) майор отнёс в КГБ, где его официально признали негодным к стрельбе и выдали соответствующую справку. Другой с благодарностью приняли в краеведческом музее. Тоже, впрочем, сначала испортили.

В газете «Моршанская Правда» напечатали заметку: «Пи-

онер сдал ценный клад государству!» С фотографией улыбающегося виновника переполоха! Почему переполох? Да, потому, что во всех окрестных деревнях, как заброшенных, так и действующих, народ принялся массово ломать печи и стены!

Глава третья

Наступил декабрь. Холодный, вьюжный, снежный. Во второе воскресенье погода выдалась удовлетворительная: по-теплело до нуля. С утра пораньше, было ещё темно, Роман с Олей встали на лыжи и пошли в лес. Лыжня до самого леса была накатанная, поэтому дошли быстро и почти не устали. В самом лесу пришлось труднее: лыжни уже не усматривалось, снег лип к лыжам, тормозил.

– Надо нам будет, когда в следующий раз пойдём, правильную смазку подобрать! – пропыхтела Оля, вытирая рукавичкой потный лоб.

– Ага, – согласился Роман, – Я обеспечу. Батя в этом хорошо разбирается.

Сложив лыжи под ёлочкой, они, отвернувшись друг от друга, торопливо разделись. И пошло веселье! Бегали, валялись в снегу, боролись. Увы, никакой дичи не нашли. Следы были: и заячьи, и лисьи, и беличьи, но старые. Через три часа они, памятуя, что зимний день короток, решили вернуться домой, тем более, что уже и подмораживать начало. Одежда, особенно бельё, замёрзла до твёрдого состояния и стояла колом, надевать её было обжигающе холодно, особенно пропотевшие носки. Роман предложил развести костёр, но Оля эту идею отвергла, дескать, поздновато у костра нежиться.

– Давай, Ромик, в темпе! На ходу согреемся!

И они помчались в город по собственной лыжне, что было намного легче, чем по целине. Успели домой на закате, как и было задумано, чтобы родители не волновались.

Роман сидел на кухне и, обжигаясь, большими глотками пил горячий чай с мамиными плюшками и земляничным вареньем. О, блаженство! Эти тёпленькие нежные плюшки с причудливыми складочками, сочащиеся маслом и благоухающие корицей! Прямо, поэма в тесте! Это варенье, хранящее в себе вкус и запах лета! Этот чай, такой горьковато-вяжущий, утоляющий жажду лучше самого лучшего лимонада! Парень рыгнул и, не в силах сдержать искушение, взял с противня шестую плюшку.

Вошла мать.

– Ой, Ромочка! Ты не заболел? Весь какой-то красный и потный!

– Нет, мам, всё нормально. Просто я на лыжах ходил.

– Ешь – потей, работай – мёрзни! – засмеялся отец, куривший у форточки.

Алла всмотрелась в окружающую обстановку:

– Ой! А плюшки-то! Вечером Самойловы придут, что я им подам? Жалкие остатки?

Роман не ответил, ибо, на всякий случай, чтоб не отняли, запихнул плюшку в рот целиком.

– И варенье ты лопаешь прямо ложками! Кашу бы так

ел! – развивала наступление мать, – А сколько кусков рафинада в чай положил, а?

– Четыре! – признался отпрыск, уже проглотивший плюшку.

– Ага, сахарным диабетом мечтаешь заболеть?

– Не мечтаю.

Алла примолкла, чтобы сочинить новые воспитательные тезисы, и тут Роман выдвинул свои веские аргументы:

– По телеку всё время говорят: «Всё лучшее – детям!» А дети – это я! Светка Самойлова, кстати, сладкое не любит. Да и оставил я им достаточное количество! А летом я тебе, мам, такую земляничную поляну покажу, что закачаешься! Втрое больше варенья наваришь!

Алла не нашлась, что возразить, ибо всё было логично и правильно. Просто махнула рукой и вышла.

Лесник – должность ответственная. За зверями-птицами присмотреть, за браконьерами, которые без лицензии охотятся или лес рубят. Опять же, за кострами – не дай бог не потушат беспечные туристы костёр, лесной пожар может сделаться!

Афанасий Савельевич Сомов служил лесником уже тридцать лет, с тех пор, как с войны вернулся. Конечно, годы свои берут, но старым он себя не чувствовал. Проходил по вверенному его попечению лесу по пятьдесят, а то и шестьдесят километров за день! И всё примечал: и новый выводок у ли-

сы Алисы, и шкоду Пятнашку, молодую рысь, пришедшую издалека и оставшуюся жить, несмотря на отсутствие самца, и лося Никифора с лосихой Галкой. У них, кстати, весной маленький будет...

Не спеша скользя на широких самодельных лыжах, Афанасий приближался к границе своего участка. Ещё четыре километра – и дорога, а за ней уже участок Николая. Внимание привлекла лыжня, которой не было ещё три дня назад. Лыжня уходила в ельник.

«Интересно! Кто бы это? Спортсмены?»

Присел на корточки, присмотрелся: нет, не спортсмены! Любители. Снег у них к лыжам прилипал, оттого шли неуверенно. Тогда, кто? Влюблённая парочка? Похоже на то... Афанасий свистнул, подзывая Брыха, верного своего спутника.

– Туда! – показал он рукой, – След!

Пёс весело помахал бубликом хвоста, дескать, понял, и широкими прыжками устремился в ельник. Однако через пять минут выскочил оттуда с поджатым хвостом. Скуля, прижался к валенку хозяина.

«Это что ж там такое, а?»

Приказав Брыху сидеть и ждать, пошел в ельник сам. Лыжня обрывалась у небольшой ёлки. Вот, здесь они лыжи сняли, вот мешки какие-то положили... Следы! Волчьи! Два следа! И, одновременно, отпечатки двух пар человеческих босых ступней! Мороз прихватил подтаявший вчера

снег и следы отлично сохранились. По спине пробежал холодок. Волков здесь не было с сорок восьмого года. Извели проклятых! Добрая тогда была облава, восемнадцать серых взяли. Сняв с плеча ружьё, зарядил стволы картечью. Пошёл по волчьим следам на поляну. Снег там выглядел, как после танковых учений: взрыт, раскидан, примят. Брачные игры, что ли? Так, не время сейчас серым спариваться... Поднял два чёрных волоска. Чёрный, что ли волк? Не бывает таких! А пуще всего были непонятны отпечатки босых ног, причём, явно не взрослых людей, а подростков. Покрутившись ещё немного, и так и не придя к разумному объяснению феномена, отправился домой, решив всё подробно описать в рапорте.

Дома за чаем рассказал жене о странных следах.

– И волчьи, и людские следы босые, одновременно! Как такое может быть? Или люди раньше пришли, а потом волки нагрянули?

Жена, Анна Петровна, задумалась. Что-то промелькнуло в памяти... только никак не удавалось ухватить воспоминание за хвост. Бабушкины сказки... Когда маленькая была, бабушка Паня в темноте им с Ванькой рассказывала и про лешего, и про кикимору, и про волков... а они на печке тряслись от страха. О! Вспомнила!

– Не волки это, Афоня, а оборотни! Их ещё волколаками называют. Сам посуди: следы и волчьи, и человечьи. А волос чёрный? Точно тебе говорю: оборотни! Поиграть они прихо-

дили.

Афанасий побледнел, как портянка!

– Какие-такие оборотни, Нюра? В них же Марксизм-Ленинизм верить запрещает!

– Ну, а кто, тогда?

Лесник промолчал, но слова жены застряли в памяти.

Уже после Нового Года он наткнулся на странные следы ещё раз, почти там же. Следы были совсем свежие, не старше часа или двух, и Брых впал в настоящую истерику. Пришлось его приструнить хворостиной.

Слух о волках-оборотнях распространился по округе. Люди, особенно женщины, боязливо перешёптывались в очередях и на работе о страшных чёрных чудовищах. О том, чтобы пойти погулять в лес, даже ближний, не было и речи! Секции лыжников было настоятельно рекомендовано тренироваться на стадионе. О странных волках доложили Секретарю Райкома КПСС товарищу Рамкину. Тот нахмурил мохнатые, как у генсека, брови (которыми очень гордился), и приказал вызвать лесника. Тот прибыл незамедлительно, на следующий же день.

– Садитесь, товарищ... э-э... Сомов! – пригласил товарищ Рамкин и гостеприимно спросил:

– Чайку со мной выпьете?

– С нашим удовольствием, – ответил Афанасий, осторож-

но сядясь на стул для посетителей.

Он ощущал некоторую робость, ибо впервые лицезрел вблизи столь высокое начальство. Для такого случая жена заставила его надеть костюм (коричневый) и синий, в белый горошек, довоенный галстук к белой рубашке.

Секретарша принесла чай и баранки. Афанасий хотел по привычке налить напиток в блюдечко, но постеснялся.

– Курите! – подтолкнул ему пачку «Герцеговины Флор» Рамкин.

– Благодарствуйте!

Душистый дым успокоил взвинченные нервы, и Афанасий расслабился. Некоторое время они пили чай молча, а затем товарищ Рамкин, якобы небрежно, спросил:

– Что там насчёт волков, Афанасий... Савельич? Весь город слухами бурлит!

– Это не я! – быстро ответил лесник, – Это, наверное, баба моя растрепала!

– Так, что по делу?

И лесной страж принялся рассказывать, для убедительности чертя пальцем на полированной столешнице:

– Обходил я, как обычно, свой участок. Вдруг, вижу – лыжня свежая, в ельник упирается. Я пса послал, а он тут же с визгом вернулся. Хвост поджал и ко мне жмётся. Пошёл сам посмотреть, а там следы волчьи! Два следа! И людские следы, тоже два – босые. Невеликие, не как у взрослых. А на поляне снег весь взрытый, как будто там танкисты уче-

ния проводили! И два волоса я подобрал чёрных. Что думать – не знаю. Нету в природе чёрных волков! А последних серых ещё в сорок восьмом истребили. Я сам в той облаве участвовал, восемнадцать хищников тогда взяли.

О предположении жены насчёт оборотней он умолчал, памятуя о Марксизме-Ленинизме.

Секретарь райкома задумался. Чтобы думалось легче, тоже закурил.

– Может быть, снова облаву устроить, Афанасий Савельич? Кинем клич, охотников наберём, загонщиков...

Сомов отрицательно покачал головой:

– Не получится, Иван Трофимович. Они в моём лесу не живут, приходят только... иногда.

«Не буду ему на людские следы напирать! Пусть сам догадается, что оборотни!»

– Где ж они, тогда, живут-то? – озабоченно шмыгнул носом Рамкин.

– А кто ж их знает! Надо соседей поспрашивать, Николая да Кешу, не было ли у них чего-нибудь подобного. Только Кеша уже не в нашем районе, а в Сабуровском.

– Это не важно, что в Сабуровском... Да, вы правы, товарищ Сомов. Необходима дополнительная информация.

По смене тона на официальный, Афанасий догадался, что аудиенция окончена.

– Разрешите идти?

– Идите. И смотрите в оба!

– Есть смотреть в оба! – молодецовато вытянулся бывший гвардейский старшина.

Участки Николая и Иннокентия были от города далеко-далеко – километров двадцать пять-тридцать, а от Афанасия – километров пятнадцать. Сомов назначил им встречу в Моршанске, используя для этого Брыха. Дело в том, что дома у него, в стеклянных банках, специально на такой, вот, случай, сохранялись портянки. В одной Николая, в другой – Иннокентия. Дав псу понюхать, привязывал на ошейник письмо – и вперёд! Пёс неоднократно бывал у обоих и дорогу знал. К вечеру возвращался с ответом. Этот метод связи был очень удобен: ни марку на конверт клеить не надо, ни в почтовый ящик письмо бросать. А самое главное – быстрота! По почте когда ещё письмишко дойдёт! Может, даже через неделю.

Итак, через три дня, в субботу, они встретились в Моршанске. В пивной, где же ещё? Все трое были людьми солидными, а потому взяли пива не ради пьянства окаяннogo, а здоровья для, и дабы не отвыкнуть. Водкой усугублять не стали, хотя Николай и пробормотал:

– Пиво без водки – деньги на ветер!

– Дело серьёзное, Коля, – качнул седой головой Афанасий, – Мы тут не для пьянства собрались, а дело важное обсудить. Сам Секретарь Райкома, товарищ Рамкин поручение дал!

Лесники впечатлились. Отхлебнув пивка и закусив лохмотком вяленого леща, Афанасий рассказал им про чёрных волков вкупе с человеческими следами.

— Дважды видел, второй раз под Рождество. Опять лыжня в чащобу, под ёлкой снег примят от поклажи и лыж. И следы! Причём, волчьи вперемешку с людскими! А снег на поляне весь изрытый, видать, носились они там, валялись да боролись. Играли, в общем. Судя по всему, молодые. Матёрые звери так себя не ведут!

— Ага, разве что, когда спариваются, — подтвердил Иннокентий и закурил.

Афанасий тоже закурил беломорину, смяв мундштук крест-накрест.

— Я Нюре рассказал, а она и говорит: оборотни это, Афоня. Волколаки. Ей в детстве бабушка рассказывала.

Друзья дружно ахнули.

— Во-во! Я тоже, было, ахнул. А потом подумал-подумал... Кто же ещё, как не оборотни? Чёрных-то волков не бывает!

— Не бывает, — согласился Николай, — А дальше-то, что было?

— Дальше... дальше слых по городу прошёл, что в лесу оборотни. Нюрка растрепала своим языком бабьим. Народ в панике, даже в ближний лес никто не ходит, лыжники на стадионе тренируются, круги унылые наматывают.

Афанасий допил кружку и продолжил:

– И вызвал меня, значит, сам товарищ Рамкин. Чаем с баранками угостил, честь по чести. Рассказал я ему всё, только слово «оборотни» не употребил.

– Почему? – удивился Иннокентий, сдувая пену с усов.

– Потому! Марксизм-Ленинизм всякую мистику и волшебство не признаёт, и верить в оборотней не велит! Если товарищу секретарю надо, пусть сам догадывается. И сказал он мне так: дополнительная информация нужна. Спроси, говорит, своих коллег, может, у них что подобное было. И велел смотреть в оба, бдеть, значит.

– Да, уж, будем бдеть! – серьёзно согласились друзья.

– Не было у меня никаких волков, – сообщил Николай после третьей кружки, предварительно обстоятельно подумав.

– И у меня не было! – подтвердил Иннокентий, которого маленько повело от четырёх кружек.

Они поговорили ещё полчаса на всякие не относящиеся к делу темы и разошлись восвояси.

И до Романа, и до Оли тоже дошёл слух о чёрный волках. Роман позвонил подруге и предложил сходить в кино.

– Новый цветной широкоэкранный художественный фильм «Трактир на Пятницкой»! Про революцию!

– Да ты што-о! Хочу! – ответила Оля, отлично понимая, что это просто предлог встретиться, чтобы поговорить без помехи.

– Тогда сегодня, сеанс в двенадцать ноль-ноль! Я тебя

приглашаю!

– Твой намёк поняла! Приду!

Повесив трубку, Роман пошёл на кухню, где мать лепила воскресные пироги.

– Мам, а, мам! Дай рубль... пожалуйста!

Алла испачканной в муке рукой откинула свалившуюся на глаза прядь:

– Куда собрался, сын?

– В кино. «Трактир на Пятницкой». В двенадцать сеанс.

– Возьми, вон в сумочке... А с кем идёшь-то?

В глазах Аллы зажёгся огонёк любопытства.

– С девочкой одной, – ответил сын, шаря в сумочке.

Любопытство во взоре матери запылало пожаром в пампасах!

– Я её знаю?

– Нет, мам. Она не из нашей школы.

– А как её зовут?

– Оля. Ладно-мам-спасибо-я-пошёл! – сбивчиво протараторил Роман, почему-то застеснявшийся.

– Слушай, возьми ещё рубль! Угости её пирожными и лимонадом, что ли!

– Отличная мысль! – сын чмокнул мать в испачканную щёку и был таков.

Алла вздохнула. Растёт ребёнок! Скоро четырнадцать стукнет... Вот, уже и девочка у него завелась! А давно ли...

Перед сеансом друзья солидно прошествовали в буфет. Лимонад «Дюшес» и пирожные «Эклер»! Божественно!

– Слушай, Оль, похоже, засветились мы! – негромко открыл разговор Роман, – Слух слышал вчера про чёрных волков в лесу. Дескать, не простые волки, а оборотни.

– Ага, я тоже слышала, – кивнула Оля, откусывая пирожное.

Колбаска крема неожиданно выползла сбоку и испачкала ей подбородок. Девочка тихо ругнулась и вытерла беспорядок салфеткой.

– Ещё вон там... в уголке рта, – подсказал Роман, морщась от пузырьков газа, шибавших в нос.

– Что делать будем? – деловито спросила Оля.

– Г-м... Затихариться надо. Или в другой лес поехать, в Сабуровский.

Оля задумалась.

– Далеко, Ромчик. На лыжах не дойти!

– А мы на электричке! До Сабурова всего шесть остановок, а там на лыжах всего километров пять до озера!

– Ну, ты и голова! – восхитилась Оля, – Тебе пальца в рот не клади! Я, лично, ни за что не положила бы!

– Гувер – это голова! И Гинденбург, тоже голова! – засмеялся Роман, тоже любивший бессмертный роман Ильфа и Петрова «Золотой Телёнок».

Прозвенел первый звонок, заставляя поторопиться с лимонадом.

Когда погас свет и начался журнал «Новости Дня», Оля взяла Романа за руку и не отпускала до самого конца сеанса. Он тихо млел.

Через два воскресенья (на дворе стоял уже март, температура держалась всего на минус пяти!) ребята сели на восьмичасовую электричку до Тамбова.

– Граждане пассажиры! Наш поезд следует до станции Тамбов-два со всеми остановками. Просьба не курить в вагонах и тамбурах. Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Балахино! – жестяным голосом проквакал динамик.

Народу в вагоне было довольно много. Нет, свободные места были, но через две остановки в проходе уже стояли люди. Многие были с лыжами. Это слегка обескураживало!

– Во, все лыжники в Сабуров наладились из-за волков, чтоб в нашем лесу не кататься! – шепнула Оля с досадой.

– Разберёмся, – шепнул Роман в ответ, – Уйдём подальше по целине...

Оля вздохнула. По большому счёту, она не очень любила ходить на лыжах.

Сойдя в Сабурове, они доехали до конечной остановки автобуса номер два. Шлакоблочный завод. Дальше, в километре, начинался лес. Хорошо укатанная лыжня приветливо посверкивала на солнце. Поехали! Народу в поле зрения

не усматривалось.

– Ты здесь раньше бывал? – поинтересовалась Оля.

Роман сдул с носа каплю:

– Был, только летом. С отцом на озеро рыбачить ездили.

– Ну, и как рыбалка?

– Не очень. Поймали пяток карасей, и всё! Батя потом на базаре ещё восемь штук купил, чтоб не стыдно было домой возвращаться!

Оля захохотала.

До озера дошли быстро. Людей по-прежнему было не видно, но ребята, посоветовавшись, решили пройти немного дальше. Озеро слишком притягательный пункт. Обязательно кто-нибудь припрётся, не сейчас, так позже. Ещё через два километра нашёлся подходящий ельник. Все ёлки держали в лапах ветвей толстые слоистые комья искрящегося снега и, казалось, улыбались. Почти каждая ель опускала ветки близко к земле, как бы обещающая укрыть ими всех желающих сереньких заек. Там и сям виднелись какие-то кочки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся пеньками, занесенными снегом. Кто-то под Новый Год нарубил тут молоденьких ёлочек, явно незаконно!

Глава четвёртая

Прежде, чем раздеться, Роман нарубил топориком лапника.

– Это чтобы босыми ногами вставать было не холодно.

– Здорово! Как мы раньше не додумались? – воскликнула Оля.

– Хорошая мысль приходит опосля! – развёл руками изобретатель.

Они перекинулись в волков и побежали искать дичь. Сначала рядом, Роман чуть впереди. Он слышал дыхание Оли и иногда оборачивался, чтобы встретить её взгляд. Глаза подруги улыбались, и от этого становилось так приятно, что бурчало в животе. Затем Роман побежал направо, описывая широкую дугу по часовой стрелке и стараясь держаться против ветра, а Оля в противоположном направлении. Час – ничего. Только сверкающий алмазными брызгами наст. Запахов – ноль. Второй час... Роман почуял лося! Тот был недалеко, в километре или около того, и ветерок отчётливо доносил его запах. Странно, пахло как в коровнике, пионеры ездили летом в колхоз «Путь Ильича» для шефской помощи селу. Пионеру Чёрному тогда поручили убирать навоз.

«Прямо, как корова пахнет! Только пожёстче.»

Вернувшись к Оле (она была недалеко), он показал ей направление. Вскоре и она почуяла лося. Азарт забурлил в кро-

ви охотников! Без слов они распределили роли: Роман гонится за лосем, а Оля отвлекает и пугает его, заставляя замедляться. А там видно будет! По отпечаткам копыт, налившихся густой синевой, вскоре стало ясно, что лось небольшой, годовалый или около того. Тем лучше! Разойдясь метров на пятьсот, они, наконец, увидели его на поляне. Действительно, молодой самец: рога небольшие, всего один отросток на каждом. Роман принялся заходить сзади, а Оля зарылась в снег на пути отступления животного. Заметив хищника, лось бросился наутёк, но на пути у него встала волчица с оскаленной пастью и вздыбленной на загривке шерстью. Тот замешкался, и Роман догнал его в несколько прыжков. Бросок! Низко, под брюхо! Вывернув голову, он полоснул клыками складку кожи и отскочил. Алая кровь залила снег. Лось остановился и развернулся к Роману, приняв оборонительную стойку.

«Эге! Щас копытом кэ-эк долбанёт, костей не соберёшь!»

Волк (сейчас Роман был только волком!) переместился правее, выбирая момент для новой атаки. Лось тоже повернулся, и теперь Оля была у него сзади. Она не замедлила этим воспользоваться: прыгнула и порвала брюхо. Эта попытка была удачнее: из раны показался сизый, дымящийся ком кишок! Лось в отчаянии повернулся к Оле, пытаясь достать её передним левым копытом, но она отскочила.

«Теперь никуда не денется, с распоротым-то брюхом!» — возликовал Роман и прыгнул, намереваясь вцепиться в киш-

ки и вытащить их наружу. Удалось! Кишки окровавленными петлями скользнули на снег. Лось, вне себя от боли, рванулся, и Роман, поскользнувшийся на твёрдом насте и не успевший увернуться, получил удар копытом в правый бок. Ого! Это было... было... как под машину попасть! Он покатился по снегу, не в силах вздохнуть, скуля от боли. Краем глаза увидел, как Оля прыгает и рвёт добыче горло. Фонтан крови метра на два! Глаза лося медленно остекленели, он зашатался и тяжело упал на бок. Задние ноги его судорожно подёргивались. Повизгивая от возбуждения, Оля продолжала рвать горло, пока лось не затих полностью. Затем она подошла к лежащему партнёру и лизнула его в нос. Только спустя минут пять Роман смог отдышаться и встать на лапы. Бок болел совершенно раскалённой болью.

«Наверное, ребро сломано. Или два...»

Оля приглашающе мотнула головой в сторону туши. Кое-как, собрав все силы, он сунул морду в рану на животе. Печень! Откусив несколько кусков, заел салом, в изобилии устилавшим брюшную полость. Полежал, отдыхая, затем поел ещё. Оля же лопала безостановочно. Ей достались остатки печени, сердце, селезёнка и почки. Мясо они есть не стали. Роман с горечью подумал, что, не будь он ранен, съел бы втрое больше. Скуля и подвывая, он потихоньку пошёл к «базе». Оля последовала за ним спустя несколько минут, с сожалением оторвавшись от пиршества. Добравшись до спрятанных лыж и одежды, они перекинулись в людей,

и Оля осмотрела бок, трогая его сильными пальцами.

– Как минимум, два ребра у тебя сломано! И синячина величиной в тарелку! – деловито сообщила она, – Сейчас перевяжу, легче будет.

Она взяла свою рубашку (мальчиковую, кстати) и разорвала её на несколько широких полос, после чего приказала:

– Выдохни и задержи дыхание!

Роман послушался, и девочка довольно ловко спеленала его грудь. Во время наложения повязки он краем глаза увидел волосы у неё на лобке. Их было больше, чем у него!

– Ну, вот, и всё! Можете дышать, больной! – засмеялась Оля, без стеснения одеваясь.

Роман осторожно вдохнул морозный воздух: в самом деле, совсем не так больно, как раньше! Кряхтя, попытался нагнуться за одеждой. Ой-ёй!

– погоди, я тебе одеться помогу! Поднимай ногу! Теперь другую! Так, с трусами мы справились. Теперь треники! Теперь штаны! ... Теперь свитер!

Прикосновения её рук были невыразимо приятны. Затем, закончив процесс одевания, она опустилась на корточки и застегнула ему лыжи.

– Идти-то сможешь, Ромчик?

– Смогу...

Конечно, идти пришлось медленно. До остановки автобуса они добрались, когда уже смеркалось. Старенький Икарус тащился от Шлакоблочного Завода до вокзала целую веч-

ность, но ребятам повезло: удалось сразу сесть на электричку.

Согревшись в душном тепле вагона, Роман отживел и включил любопытство:

– Слушай, Оль, а где ты всему этому научилась? Ну, повязку, там... и вообще?

– У меня мама фельдшером на «Скорой Помощи» работает, – важно ответила девочка, – Она, кстати, сегодня на сутках.

– Во, надо же! А батя у тебя кто? – задал вопрос Роман, удивившись, что не догадался спросить об Олиных родителях раньше.

– Нету у нас папки, – вздохнула Оля, – Мама говорит, что сама меня родила.

– Так не бывает! – неуверенно возразил Роман.

– Бывает, ещё как бывает. И не такое бывает, Ромчик!

Она отвернулась к окну и остаток дороги они молчали. Расставаясь, Роман неуклюже поцеловал Олю в щёку:

– Спасибо тебе за всё, подруга! Добрая была охота!

Оля молча повернулась и, вскинув лыжи на плечо, ушла быстрым шагом.

«Обиделась, что ли, что я её поцеловал?» – раскинул мозгами внезапно повзрослевший мальчик, – «Так я ж по-дружески...»

Дома родители, конечно, уже волновались: ещё бы, восемь

вечера! Увидев перекособоченную фигуру сына, они, вообще, всполошились:

– Что с тобой? Что случилось? Ты ранен?

– Ранен... Ребро сломал, – сообщил «радостную» новость Роман, неловко снимая куртку.

Мать закатила глаза, делая вид, что собирается упасть в обморок. У неё была артистическая натура, и Алла частенько очень графично изображала свои переживания. Отец оттолкнул её и помог сыну раздеться до пояса. Размотал повязку.

– Ого! Кто это тебя?

– Да, я сам, батя. С горки ехал, на пенёк налетел со всей дури... – соврал Роман.

– Боком?! Однако! Это надо же так умудриться! Впечатление такое, что тебя лось брыкнул!

Роман дёрнулся от неожиданности. Отец не заметил.

– Мать! Принеси-ка простыню покрепче и ножницы!

Разрезав простыню на широкие полосы, он туго запеленал грудь сына, кусающего губы от боли, и зашил суровыми нитками. Затем смочил повязку уксусом.

– Это чтобы ткань села и ещё плотнее держала, – объяснил папа Коля, проходивший на службе санинструктаж, а потому владевший искусством оказания первой медицинской помощи.

– Куда уж плотнее... – пропыхтел парень, – Ни вздохнуть, ни пёр... ни пукнуть...

– Коля, я в «Скорую» позвоню? – неуверенно спросила Алла, – Может, рентген надо сделать...

– Да ну, беспокоить людей, на ночь глядя! И так всё ясно: два ребра сломаны. Повязку я наложил, Пенталгин сейчас ему дам. Поправится! Завтра в поликлинику его своди, к травматологу, за справкой для школы. Пусть дома несколько дней отлежится.

После проглоченной таблетки Пенталгина боль отступила, и Роман уснул. Спал хорошо, но иногда просыпался от неловких движений.

Оля, придя домой, разделась и долго рассматривала себя в зеркале. На неё серьёзно смотрело отражение девочки-подростка.

«Ты жирная!» – обвинило отражение.

Обидно, конечно, но оно было право.

«Фигура ни то, ни сё... Сиськи едва видны, а талии совсем нету! Да, ещё очки эти дурацкие!»

Со вздохом оделась. Нравится ли она Ромке, вот вопрос! Ведь, поцеловал же сегодня? Хотя, если бы за поцелуй можно было ставить оценки, она бы больше тройки не поставила. Вообще-то, она никак не могла классифицировать их отношения. Мальчик ей нравился, но уж влюблена она точно в него не была!

«Значит, у нас просто дружба!» – твёрдо постановила девочка, поджигая конфорку и ставя на неё чайник.

Пока он закипал, задумалась: она сегодня слопала килограммов пять мяса, но, несмотря на это, снова проголодалась! Как такое может быть?

«Надо жрать поменьше, а то талию никогда не дождусь...»

Понедельник. Лесник Иннокентий Парфенов обходил свой участок с Булькой, средних размеров сукой, похожей на лайку, но таковой не являвшейся. Тем не менее, она была умная и сообразительная, что сильно помогало в работе. Время приближалось к полудню, а, значит, скоро надо будет сделать привал и перекусить. Вот, сейчас ельник кончится, и тогда... И тут лесник увидел лыжню! Пошёл по ней и под елью увидел припорошённые снегом еловые лапы, а рядом – волчьи следы! На душе стало неуютно. Булька заскулила, прижимаясь к валенку хозяина.

– Цыц, дура! Нету здесь волков, ушли они! – прикрикнул Иннокентий.

Подошёл ближе. Человечьих следов, как рассказывал Афоня, не было. Нагнувшись, понял обрывок рукава рубашки. Явно не взрослого человека рубашка, манжета слишком узкая! Зачем бы надо было рубашку рвать? Спрятав находку, осторожно пошёл по следу, зарядив ружьё картечью. Булька боязливо семенила сзади. Следы то сходились, то расходились веером, а через час с четвертью устремились на северо-восток. Пройдя ещё с километр, Иннокентий увидел тушу лося Васьки, своего любимца.

– Блин! Хищники проклятые! – расстроился Парфенов.

Он этого лосёнка знал с самого рождения, тот вырос на глазах, часто приходил на устроенный специально для него солонец – кормушку с насыпанной на неё крупной серой солью, где лесник его тайком фотографировал. И, вот, на тебе! Загрызли, гады!

– Что ж ты, милый, не совладал-то? Вон, копыта какие! Дал бы им разá, хватило бы сдохнуть!

Васька не ответил, конечно. Осмотрев тушу, Иннокентий удивился: она была почти нетронута! Волки сожрали только требуху, а мясо – нет. Насколько он знал, обычно, после удачной охоты, звери жрут до отвала, затем спят, затем опять жрут. И так суток трое! А тут лишь слегка закусили... и ушли. Кстати, куда? А обратно в ельник! И там их следы обрывались...

С тяжёлым сердцем отрубив задок – не пропадать же добру – и вырезав язык, Иннокентий пошёл домой, кинув ломоть собаке. Дома написал письмо Афоне, дал Бульке понюхать его портянку и отправил с посланием. А сам поджарил мясца, отварил картошечки и выпил за упокой души лося Васьки сто пятьдесят граммов самогоночки. В то, что у зверей есть душа, он верил твёрдо. Конечно, она у них не такая, как у людей...

Роман провалялся дома неделю. Чуть с ума не сошёл от скуки! Несмотря на цветной телевизор «Рубин», куплен-

ный родителями на деньги, полученные за клад, и книги, приносимые мамой из библиотеки. Целый день не считаешь, а по телеку не так уж много интересного. Почему-то понравилось смотреть учебный канал – уроки испанского языка. Там была такая сексапильная ведущая-кубинка! Но – только два раза в неделю по полчаса. Короче, все бока пролежал. Пару раз приходила навестить Оля, но, увы, в присутствии матери, так что, поговорить о сокровенном не получилось – не шептаться же! Зато она помогла с уроками, особенно по математике, с которой у Романа было напряжённо.

Алле Оля понравилась.

– Хорошая девочка, обстоятельная, вежливая, скромная! – рассказывала она мужу, – И учится хорошо, нашему болтуну по математике помогает.

– Красивая, хоть? – напрямик спросил майор.

– Не очень... – вздохнула Алла, – Но симпатичная. Подрастёт, будет фигура. Сейчас, пока, нету.

Роман пошёл в школу. Ребра ещё заживали, поэтому о поездках в лес не могло быть и речи. Да и весна наступила: на лыжах не пойдёшь, а на велосипеде не проедешь. С Олей, тем не менее, встречались регулярно, пару раз в неделю. Ходили в кино или просто гуляли в городском парке. Держались за руки, беседовали, обсуждали прочитанные книги. Но не целовались, хотя обоим очень хотелось.

В мае, когда, как поётся в песне, «всё стало вокруг голубым и зелёным», Роман, выждав хорошее настроение у отца, сел напротив и заявил:

– Батя! Мне нужен мопед.

Отец задумчиво посмотрел на сына. Занятия с гантелями сделали, наконец, своё дело: парень раздался в плечах, на пузе появились кубики мышц, бицепсы ощутимо круглились. На верхней губе пробивались усики.

«Четырнадцать лет скоро...»

– Сынок, на них же с четырнадцати лет разрешено ездить, а ты ещё молодой у меня...

– Ерунда! Кто меня остановит? Я, может, вообще, на все пятнадцать выгляжу!

– Ну, это ты загнул! Но мопед – вещь хорошая. Купим! А где хранить будешь?

– А на балконе!

– Тяжело, на второй этаж-то затаскивать.

– Ничего, я справлюсь, батя!

За мопедом пришлось ехать в Тамбов. Николай Александрович договорился в части, и, когда в Тамбов пошла машина неважно, за чем, они с Романом присоединились к заму по АХЧ. Газ-66, прозванный в армии «Шишига», довёз их до магазина «Спорттовары». Попросив подождать, майор с сыном вошли в торговый зал. Мопеды стояли рядом у дальней стены.

– Вот этот хочу! – Роман показал на «Ригу-12» зелёного

цвета.

– А «Верховину» не хочешь? Вроде, посолиднее выглядит.

– Не, мне пацаны советовали «Ригу». Механика надёжнее.

– Ну, «Рига», так «Рига»! – не стал спорить отец.

По доске, нашедшейся в Шишиге, мопед закатили в кузов. Роман был вне себя от счастья: теперь у него свой железный конь, на котором можно доехать куда угодно! Двухскоростной, беспедальный мокик, почти мотоцикл! И сиденье длинное, Оля запросто усядется. Только, обкатать сперва придётся, чтоб двигатель не убить.

– Магарыч с вас, товарищ майор! – весело заявил прапорщик-завхоз Калюжный, – Такая покупка ценная!

Товарищ майор достал из портфеля бутылку «Столичной» и протянул ему:

– Вот, выпей, чтоб колёсики крутились!

Дома Роман с помощью соседа Петьки (взрослый парень, отслуживший в армии, но все звали его, почему-то, Петькой, и никак иначе), эксперта по мотоциклам и мопедам, привёл аппарат в рабочее состояние. Ну, там, подтянули винтики, отбалансировали колёса, отрегулировали тормоза, натянули цепь, закрепили руль. Залили смесь семьдесят второго бензина и масла... Увы! Бензобак оказался с дыркой! Моментально образовалась неприятная лужа.

– Зар-раза! – расстроился Роман, уже настроившийся по-

кататься.

Петька, не растерявшись, отсоединил шланг от мотора и поставил канистру. Сливши оставшуюся смесь, сняли бензобак с рамы. Осмотрели. Визуально дырка не определялась.

– Наверное, шов плохо заварили латыши, – предположил Петька, – Да ты не переживай, я снесу на работу, дядя Паша в пять минут заварит.

Он работал токарем в мехмастерских при депо.

Ждать пришлось целую вечность – два дня! Роман все ногти изгрыз до самых локтей от нетерпички. Наконец, торжественный миг настал! На рывок кикстартера мотор отозвался бодрым треском с первой же попытки! Роман вытер вспотевшие от волнения ладони о штаны, выжал сцепление и включил первую передачу.

– Теперь газку! – подсказал Петька.

Мопедист повернул правую рукоятку на руле, и мопед поехал. Сам! Без помощи человека! Это было непередаваемо прекрасно.

Сделав круг по двору, он выехал на улицу имени Двадцатилетия ВЛКСМ и помчался по ней в сторону центра. Стрелка спидометра перевалила тридцать, дошла до сорока.

«Быстрее не стоит, пусть притрётся маленько, двигун-то.»

Катался три часа, пока не устал с непривычки. Когда заглушил мотор и слез с железного коня, ноги слегка дрожали. Закатить мопед на второй этаж и на балкон было плёвое

дело. Мать, увидев грязный отпечаток протектора на полу, нахмурилась:

– Грязь будешь сам убирать!

– Да, мам, конечно, мам!

Вздыхнув, мадам Чёрная ушла на кухню, где варились пельмени на ужин. Она мопед не одобряла, но и не протестовала. Сыночек подрос, ему надо.

В середине мая Афанасий получил письмо от товарища Рамкина с приглашением «для беседы».

Снова пришлось надевать костюм и галстук!

Секретарь встретил лесника приветливо, угостил чаем с «Юбилейным» печеньем.

– Что нового о волках, Афанасий Савельич?

– У меня больше не появлялись. А, вот, у Кеши, в Сабу-ровском лесу, они лося завалили.

– Это, когда же?

– Аккурат на Преподобного Герасима Вологодского.

– ...?

– Ой, простите! Семнадцатого марта.

И Афанасий подробно пересказал письмо, полученное от коллеги.

– ... и нашёл там обрывок рубашки, ну, манжету, значит. Явно не взрослого человека, подростка. И ещё отметил, что волки тушу почти не ели. Сожрали только требуху, а мясо не тронули.

– Ну, и что? – непонимающе поднял хохлатые брови товарищ Рамкин.

– А то! Обычно они жрут от пуза, затем спят, от добычи не отходя, и снова жрут. Так несколько дней! А тут поклевали немножко и ушли, как будто торопились куда-то. Странные, в общем, волки.

– М-да-а... – побарабанил пальцами Рамкин в задумчивости.

Оба закурили. Дым волнами и спиралями распространился по кабинету, потихоньку вытягиваясь в приоткрытую форточку. Муха, сидящая в укромном месте в углу потолка, едва не потеряла сознание. Она заполошно кинулась на свежий воздух, и там её тут же склевал воробей. А если бы осталась в помещении, то не склевал бы! Ну, потеряла бы сознание, потом оклемалась. А так, из-за паники, вообще, жизни лишилась!

– Может, капкан поставить? – предложил городской человек.

Афанасий развёл руками:

– Не получится, Иван Трофимович. Кабы они в одно и то же место приходили, так, ведь, нет! Да и капкана у меня нету.

– А приманку отравленную подбросить? Стрихнин, там, какой-нибудь...

– Нельзя! – строго сказал лесник, – Много посторонних зверей да птиц передохнет. И лисы, и барсуки, и коршуны...

Не, никак нельзя!

– Ага... Ладно, Афанасий Савельич, продолжайте бдеть. Если что интересное всплывёт, сразу мне докладывайте незамедлительно.

– Есть доложить незамедлительно!

В конце мая, когда двигатель, по мнению Петьки, прошёл обкатку, Роман с Олей, наконец, поехали в лес, по которому очень соскучились за два месяца. Мопед тянул бодро. Оля обхватила Романа за талию и прижалась лицом к его спине. Волосы её (она недавно сделала модную стрижку «Сэссун», расставшись, наконец, с дурацкими косичками!) лохматило ветром. Объятия подруги были приятны! Щурясь от встречного ветра, Роман подумал:

«Надо будет защитные очки купить, а то глаза прямо жгёт...»

Не успел он додумать эту мысль, как в глаз попала муха! Ещё один аргумент для покупки горнолыжных очков! Пришлось остановиться, чтобы протереть глаз.

– погоди, не три! Дай я посмотрю!

Поправив очки, Оля ловко вывернула веко.

– Вот она, сволочь! Потерпи...

И она слизнула мушку скользким языком. Моментально резь в глазу прошла.

– Спасибо, подруга! – Роман притянул её (девочку, конечно, а не резь!) к себе и попытался поцеловать, но Оля увер-

нулась, сама не зная, почему.

В тот день они просто бегали, дурачились и плескались в ручье. Можно было поохотиться, где-то рядом прятался барсук, но искать его было лениво.

А на следующий день Оля устроилась на работу. Санитаркой в больницу. Денег, зарабатываемых матерью, не хватало на девичьи нужды. Каникулы, делать особо нечего. Почему бы не поработать?

Глава пятая

В июне майора Чёрного вызвал к себе начальник части, полковник Тимофеев.

– Вот, что, Коля. На нашу часть выделили машину. Волгу двадцать первую. Будешь брать?

Майор даже растерялся.

– Да, я... а, конечно! Только, в очереди передо мной, ведь, ещё двое: Анисимов и Райский!

– Они отказались. Сказали, «Жигули» будут ждать.

«Во, дураки-то! Жигуль супротив Волги, всё равно, что плотник супротив столяра!» – подумал Николай, а вслух сказал:

– Беру! Беру!!!

– Ну, вот и отлично. Наверное, одна из последних, Волга-то. Новая модель пошла, двадцать четвёртая. Стоит вдвое дороже!

И через неделю Николай Александрович подкатил к дому на новенькой Волге! Белый верх, чёрный низ! Но, увы, без оленя на капоте. Побибикал. На балкон вышла Алла и сын, завертели головами. Николай снова бибикнул и высунулся из окна.

– Батя!!! – завопил Роман, впадая в экстаз.

Алла ахнула и картинно прижала руку к сердцу, показывая, как она рада.

Они долго рассматривали и трогали всё, что можно было посмотреть и потрогать. Качались на упругих сиденьях, опускали и поднимали стёкла. Роман, отпихнув отца, уселся за руль, повернул ключ зажигания, включил фары. Дрыг-дыг-дыг-дыг-дыг! Обалдеть, как здорово!

– Вот так, мальчики и девочки! Теперь на машине будем ездить, это вам не пешком ходить! Аллочка, озаботься занавесочками посимпатичнее.

– Зачем, батя? – удивился Роман.

– Затем! На море поедem в отпуск, а там солнце горячее!

Алла, не в силах сдержаться, поцеловала мужа, чего избегала обычно делать при сыне, и изящно упала в обморок. Понарошку, конечно.

Отпуск у родителей должен был начаться с пятнадцатого августа и закончиться двенадцатого сентября.

– Мы тебя, Ромка, из школы отпросим, не беспокойся, – пообещал отец.

– Да я и не беспокоюсь, – отозвался сын, размышляя.

С одной стороны, на море очень хотелось. Он там был всего дважды, последний раз четыре года назад. Отец научил его нырять с маской и ластами. Ох, и здорово было наблюдать подводный причудливый мир, ловить крабов и находить ракушки-рапаны! А загар! С другой стороны, не хотелось на целый месяц расставаться с Олей... и с лесом. С третьей стороны, неплохо бы родителям отдохнуть от него, противного! Может, на свободе, наконец, сделают ему братика или

сестричку? Давно пора, годы-то уходят!

– Знаете, ребята, я, наверное, не поеду.

– Как, не поедешь!? Почему? – потряслись родители, – На море не хочешь?

– Э-э... не то, чтобы не хочу... Просто подумал, что вам от меня надо отдохнуть. Должна же у вас быть... личная жизнь без помехи!

Алла поняла намёк и покраснела, как помидор. Действительно, с подросшим сыном за стенкой приходилось по ночам сдерживать свой пылкий темперамент, что сильно снижало накал удовольствия от общения с мужем.

– А как же ты один? И твой день рожденья? – озабоченно спросил отец, которому идея провести отпуск вдвоём очень импонировала.

– Отвечаю по пунктам! За мной тётя Наташа присмотрит. А подарок вы ей заранее дайте, она мне и вручит потом от вашего имени. Да не беспокойтесь вы, не пропаду! Я же уже взрослый!

Наташа была младшей сестрой отца. Незамужняя и бездетная, она обожала племянника. Жила на соседней улице, в десяти минутах ходьбы.

– Г-м... ладно, поговорю с ней...

– Ой, сыночек! – вздохнула Алла, и с благодарностью погладила парня по голове, – Я там буду волноваться, так и знай! Так что, води себя хорошо, сильно не гоняй на своей мотоциклке... и вообще...

Вопрос о составе участников поездки на море был решён.

А через две недели Роман предложил съездить в лес за земляникой.

– Я там такую поляну знаю! Ягоды сплошняком! Штук сто или двести!

Родители захохотали.

В воскресенье утром, прихватив с собой Олю, отправились в лес. На Волге! День был солнечный, жаркий, поэтому ребята, сидящие на широком, как диван, заднем сидении, открыли окна и наслаждались ветром, пахнувшим соснами, цветами и свежескошенной травой.

Доехав до леса, они долго петляли между деревьев, пока, наконец, достигли нужного места.

– Батя, глуши мотор! – скомандовал Роман, – Тут близко, метров двести.

Все вылезли из машины и огляделись вокруг: совершенно сказочное место! Высокие стройные сосны источали запах нагретой солнцем смолы, масса цветов пробивалась сквозь густой слой опавшей хвои. Жужжали шмели и чирикали какие-то птицы. Взяв корзинки, все медленно пошли за Романом. Вот и поляна. Совершенно красная, аж бордовая от ягод! Алла взвизгнула от восторга. Оля тоже хотела взвизгнуть, но постеснялась. Все принялись собирать землянику. Отец и сын отправляли в рот десяток, а корзину – одну. Алла и Оля были более воздержаны. За какие-нибудь два часа корзины наполнились доверху, а солнце только прибли-

жалось к полудню.

– Что делать будем? – спросил отец, – Домой что-то не хочется! А ягоды уже некуда девать.

– Что делать будем, что делать будем... купаться будем! Тут ручей есть подходящий!

– Всё-то ты тут знаешь, сынок! – одобрительно улыбнулась Алла.

Сложив добычу в багажник, все четверо, переодевшись в плавки и купальники, пошли к ручью, протекавшем в полукилометре, только в другую сторону, чем земляничная поляна. Глава семьи тащил сумку с провизией и бутылками с квасом-лимонадом. У ручья нашёлся замечательный песчаный пляжик метров шести в длину и шириной в два.

– Во, здесь омуток есть глубокий, по шею. Даже и поплавать можно немножко! – показал Роман.

Отец прыгнул в воду первый и сразу погрузился по грудь.

– Уй, здорово! – крикнул он, отфыркиваясь, – Девчата, идите сюда!

– А не холодная ли вода? – с сомнением спросила Алла, холода не любившая.

– Ты что! Как парное молоко только что из погреба!

Сдвинув брови, Алла попыталась разобраться в этом противоречивом утверждении, но так и не докопалась до его глубинной сути. Кокетливо повизгивая, вошла в воду по пояс и остановилась, привыкая. Вода была прохладная, но это было очень приятно после жары и ползания по поляне.

– Глыбже! – позвал её муж.

– Сейчас, дай привыкнуть!

– Да чего там, привыкать-то?

И он, циник эдакий, неделикатно обрызгал Аллу! Всю!

– Что ты наделал! – драматично заломив руки, вскричала она, – Ты намочил мне волосы!

– Ага, и теперь на них останутся невыводимые пятна! – захохотал коварный мужчина и, булькая, скрылся в воде с головой.

Роман с Олей плюхнулись в воду сразу, без всякого призывания. Под водой они открыли глаза. Водичка оказалась прозрачная-прозрачная! Живая! Она ласково освежала разгорячённую кожу и вливала новые силы в слегка увядшие от жары тела.

– Просто блеск! Вылезать не хочется! – заявила Оля, в отличие от Аллы, не боявшаяся намочить волосы.

– Ну, тогда и оставайся здесь жить! – посоветовал Роман, – А я буду тебя навещать и новости из телека пересказывать! У-у, русалка!

– Сам ты энто место!

Все четверо плескались в ручье целый час, а потом загорали на травке и снова купались. Через три часа Чёрный-старший повернулся на спину и сложил на животе руки:

– Помираю... ой, как есть охота!

Алла расстелила скатёрку и разложила на ней пирожки с луком и яйцами, варёную в мундире картошку, а также бу-

терброды с селёдкой и любительской колбасой. У всех, оказываясь, разыграл нешуточный аппетит, поэтому вся эта благодать исчезла в животах практически мгновенно. На сладкое нашлись плюшки под аккомпанемент кваса и лимонада.

– Ну, что? Сейчас покурим – и домой? – расслабленно потянулся Николай и достал папиросы.

– Пожалуй, пора, – согласилась Алла, собирая остатки пиршества в сумку.

Собственно, остался только мусор и пустые бутылки. И в это момент к ручью выскочила собака. Увидев людей, она залилась истерическим лаем, но не приближалась. Наоборот, при малейшем движении Романа или Оли, она, вернее, он, ибо это был кобель, отскакивал подальше.

– Что за дела? – пробормотал Николай, поднимая, на всякий случай, корягу.

– Брых! Цыц! – раздался из кустов строгий голос, и на пляжик шагнул человек с ружьём, – Пошёл, пошёл, дурак! Вон там жди меня!

Пёс умолк и отбежал метров на пятьдесят. Но по его позе и напряжённо торчащему хвосту было видно, что он по-прежнему возбуждён.

– Извиняйте! – развёл руками Афанасий (это был он!), – Сам не знаю, что с ним такое содеялось! Обычно он с незнакомыми людьми себя нормально ведёт.

– Да, ладно! – махнул рукой Николай, – Мы, вообще, сейчас уходим.

– А, так это ваша Волга, чёрно-белая такая?

– Наша! – гордо подтвердил майор, подтягивая плавки.

– Будем знакомы: я лесник здешний, Сомов моя фамилия.

А зовут Афанасием Савельичем.

– Чёрный, Николай Александрович, – представился майор, – А это Алла, моя жена.

Ребят он представлять не стал, они были поодаль.

Мужчины пожали руки, Алла с улыбкой кивнула.

– А вы сами с откудова будете?

– С Моршанска. Вот, за ягодами приехали. Ну, и пикник.

Сомов быстро осмотрел пляжик: хорошие туристы, ни соринки не оставили и костёр не жгли.

– Что ж, очень приятно было познакомиться! Путь вам добрый!

– И вам всего хорошего!

И приезжие пошли к своей машине, а лесник к терпеливо ждавшей собаке. При его приближении пёс заскулил.

– Да что с тобой такое, старина? Чем они тебе не понравились?

Пёс побежал к пляжику, оборачиваясь к хозяину, как бы приглашая его следовать за собой. У ручья он остановился и громко гавкнул два раза. Так он обычно делал, подтверждая, что взял след. Афанасий всмотрелся в следы, отчётливо отпечатавшиеся на мокром песке. Вот мужик, вот тётка, вот парень... А это – девочка... Стоп, стоп! След девочки

показался странно знакомым! Эта небольшая косолапость, широко отставленный большой палец... Афанасий помертвел, душу как ледяным ветром опахнуло: след был в точности тот, который он дважды видел зимой на снегу! Ошибки быть не могло!

– Вот оно что, – прошептал он, содрогаясь от ужаса и торопливо крестясь двумя перстами, хотя и был коммунистом, – Чур меня! Чур! Огради мя, Господи, силою честного и животворящего креста твоего, и сохрани мя от всякого зла!

Уверенность, что эта девка и есть одна из оборотней, была полной. Сердце заколотилось, затылок заломило.

«Давление кровей поднялось, не иначе» – сообразил Афанасий и приказал псу:

– Домой!

Дома прилёт на часок, немало удивив этим жену.

– Ты не захворал ли, Афонюшка? Раньше обычного вернулся, лежать наладился...

– Ой, Нюра... Худо мне! Видел я сегодня эту... оборотеницу, – слабым голосом отозвался Афанасий.

Голова всё ещё болела.

– Кого-кого?

– Ну, девку эту, которая зимой на снег босиком... Они в ручье купались, я там след и подметил.

– Да, кто, они-то?

Афанасий закурил, надеясь, что от табака полегчает.

– Туристы с Моршанска, семья. Девка и парень у них, по-

годки. Так девка, точно, та самая!

Анна поджала губы:

– Ой, тревожно мне! Другой раз их встретишь, стороной обходи. Не было бы худа! Оборотни, они и порчу навести могут!

Афанасий передёрнулся и отвернулся. Оклемавшись, написал письмо Иннокентию, послал с Брыхом. Написал и другое письмо, товарищу Рамкину.

– Нюра! Снеси на почту! Да марку там купи и наклей!

Через четыре дня секретарь райкома это письмо получил. Культурно разрезав конверт ножичком из слоновой кости, вчитался:

«... а девичий след на песке оказался тот самый что зимой на снегу. Мужчина военный у него наколка на плече парашут с крылушками и буквы ВДВ зовут Чорный Николай Александрович а жену Аллой. Думаю надо бы их разъяснить...»

Иван Трофимович обхватил голову ладонями. Разъяснить... а как? Впрочем... Придвинув телефон, набрал номер начальника райотдела милиции, подполковника Семенчука:

– Алё, Александр Борисыч? Рамкин говорит. ... Как говорится, вашими молитвами! ... Нет, конечно! ... Ну, если без фанатизма, то... Слушайте, я чего звоню... разговор есть, не телефонный. Давай, скажем, завтра с утра подъедьте ко мне, а? ... Ну, вот и ладушки! Всех благ!

На следующее утро ровно в десять Семенчук вошёл в ка-

бинет главного партийного начальника района. Официально подполковник ему подчинён не был, но... Партия, ведь, наш рулевой!

– Слушаю вас, Иван Трофимович, – сказал он после взаимных приветствий.

Тот задумчиво потёр переносицу. Разговор предстоял сложный.

– Вы, Александр Борисыч, про чёрных волков, у города шаставших, слышали?

– Слыхал, – коротко ответил главный милиционер.

– Так вот, есть подозрение, что это не просто волки, а оборотни.

Семенчук позволил себе пренебрежительно улыбнуться:

– Бабы сказки, Иван Трофимович! Нету никаких оборотней!

– Э, не скажи, не скажи!

И партсекретарь подробно рассказал и о босых следах на снегу, и о волчьих следах в том же месте, и о взрытом, перелопаченном снеге, и о зарезанном лосе, почему-то почти нетронутым волками, и об идентификации лесником следа девочки-подростка на песке с таким же следом на снегу.

– ... а фамилия мужика Чёрный, и военный он, в ВДВ служил или до сё служит!

Товарищ Рамкин закурил, и некурящий Семенчук поморщился. Секретарь на это внимания не обратил.

– Мне Партия народ доверила опекать. И должен я, если

серой завоняло, не искать прохудившуюся цистерну с химией, на это вы есть, а заподозрить, что рядом дьявол с рогами и копытами! И принять все меры к его обезвреживанию, даже, если придётся, то к попам за Святой Водой сходить! Лучше перебдеть, чем недобдеть!

Подполковник слушал, раззявя рот. Такие речи из уст самого секретаря райкома! Но, с другой стороны... логика присутствовала. И сильная, к тому же!

– Дело это насквозь неофициальное, – продолжал товарищ Рамкин, – Но я, прежде всего, разобраться хочу. Помогите мне, Борисыч! Я заветное слово знаю: пожалуйста!

– Всё, что скажете, сделаю, – заверил его Семенчук.

– Ага... Прежде всего – все данные на эту семью, особенно на девчонку. Всё, что удастся найти. Особенно про здоровье. Блин, сам толком не представляю, что искать! Может, свидетели найдутся, видевшие, как она в волчицу превращается... Постарайтесь, Борисыч, вы сыщик, вам и карты в руки.

– Я вас понял, Иван Трофимович. Что сможем – раскопаем. Только, имейте в виду, что уголовное дело я завести не смогу. Нету такой статьи в кодексе, про оборотней, значит.

– Да, я понимаю...

Вернувшись в свой кабинет, Семенчук сразу же позвонил начальнику воздушно-десантной воинской части Тимофее-

ву, с которым был хорошо знаком, ибо много раз ходил с ним в баню и пил пиво:

– Алё! Тимофей? Это я, Саша! Как ты там? ... Я в порядке! ... Да, давно не парились, я весь грязью зарос... Ну?! Неужели? ... Нифига себе!

Только через несколько минут он смог перейти к делу:

– Слушай, у тебя, случайно, некто Чёрный не служит ли? ... Ага, комбат, говоришь? ... Нет, ничего он не натворил, просто он может свидетелем оказаться... по одному делу. Ты мне продиктуй его данные, силь ву пле! ... Ага, спасибо! Ну, до встречи! Да, ты ему не говори, что я им интересовался.

Так был установлен отец семейства. Установить состав семьи через паспортный стол было парой пустяков: жена Алла и сын Роман, четырнадцати с половиной лет. А, вот, дочери не было!

«Скорее всего, подружка сына... Как её искать?»

Думал, думал – и придумал! Младшая дочь, Леночка, тоже пятнадцати лет, училась в той же школе, что и Чёрный. После ужина Александр Борисович подсел к ней на диван:

– Слушай, доча, ты такого, Рому Чёрного знаешь?

Лена ошутимо напряглась, ибо вопрос был интересный!

– Знаю, папа!

– Что за парень?

– А, ничего особенного! – наморщила носик девочка, пытаясь говорить с преувеличенным пренебрежением, –

Не красавец, лопоухий, способностями не блещет. Друзей нет. Такой никому не нужен! А что?

На самом деле она сохла по Роману: фигура атлетическая, лицо мужественное! И глаза загадочные, жёлтые! Но, увы! Парень не обращал на неё никакого внимания, и это злило необычайно.

«Как-то слишком уж эмоционально она о парне...»

– Вот, интересуюсь: с кем он ходит?

– Да, так, с одной дурой, не из нашей школы, из второй. Ольгой зовут, а фамилия... – дочь напряглась, припоминая и сдерживая ненависть, чтобы не получился неприличный звук, – Фамилия ейная, поганая, – Булатова!

– А как она выглядит?

– Ой, пап! Корова очкастая! – злобно выпалила исчерпывающее описание Лена, сама далеко не красавица.

Странные, неадекватные ответы на простые нейтральные вопросы застряли занозой в памяти.

«Что-то тут есть... Но, что?»

Подполковник поцеловал дочь в висок и шёпотом спросил:

– Шоколадку хочешь?

– Хочу, конечно, хочу! – радостно ответила та.

– Держи! – протянул плитку «Алёнки» любящий отец, – Да спрячь быстрее, пока мать не видит!

Жена, переводчик с испанского, считала шоколад баловством и развратом, и ссорилась с мужем и дочерьми по это-

му поводу.

«Итак, Булатова Ольга, школа номер два... Завтра загляну к ним, посмотрю личное дело» – удовлетворённо потёр руки Семенчук.

На следующее утро он без стука ввалился в кабинет директора школы. Увидев человека в милицейском мундире, Пётр Иванович побледнел, ибо совесть его была нечиста: он иногда гнал на даче самогонку. Не подумайте плохого, просто для дома, для семьи. Но сведения об этом в милиции имелись.

– Мне надо посмотреть личные дела некоторых учеников! – строго заявил подполковник после взаимных приветствий.

Директор без звука отпер железный шкаф, даже не подумав спросить насчёт официальной бумаги.

Отобрав, для отвода глаз, с десятков папок, Семенчук внимательно прочитал дело Ольги Геннадиевны Булатовой: родилась 15 октября 1965 года, место рождения – город Псков. Мать: Булатова Нина Георгиевна, 1925 года рождения. Сведений об отце нет.

«Ого! Поздненько родила! Да ещё без мужа, вдобавок».

Мать работает фельдшером «Скорой помощи», алиментов на дочь не получает... Адрес, телефон...

Ольга характеризуется классным руководителем положительно, учится хорошо, на четыре и пять, но несколько за-

мкнута, близких друзей нет. Характер волевой, жёсткий. Может проявлять упрямство. Любит чтение, спортом не занимается.

«Да, не густо... Ладно, теперь в поликлинику, медицинскую карту посмотрим!»

Вернув папки директору, прошёлся по школе, заглянул через щелку в двери в класс, где в тот момент изучал химию 8-й Б. Вон она, Булатова! Девчонка, как девчонка... Ну, может, чуть полноватая, но, уж, никак не корова.

В поликлинике получил без проблем медкарту и удивился: записей не было! Ну, почти: в двенадцать лет обращалась к окулисту по поводу близорукости – и всё! Отметки о прививках... Группа крови, определена при рождении...

«Что за фигня? Группа крови – Х! Никогда о такой не слышал!»

Заодно, на всякий случай посмотрел карту матери. Там было всё, как у людей: записи о бронхите, гастрите... и так далее. Осмотр гинеколога, совсем недавно: здорова. Но, всвязи с климаксом, перестали ходить месячные.

«Ну, значит, одной проблемой у бабы меньше!» – цинично рассудил Семенчук и поехал к себе.

Мысль о группе крови не давала покоя. Из кабинета он позвонил в лабораторию райбольницы (не от слова «рай»! Далеко не!), предварительно выяснив, как зовут заведующую.

– Алё! Мне Амалию Аркадьевну, пожалуйста! ... Здравствуйте, Амалия Аркадьевна! С вами говорит подполковник

Семенчук, начальник РОВД.

– Здравствуйте, товарищ подполковник Семенчук! – отозвался приятный женский голос.

– У меня к вам такой вопрос: что такое группа крови X?

– О, это, так называемая, химера. Когда невозможно отнести исследуемую кровь ни к одной из существующих групп.

– Да-а? А как это отражается на человеке?

– А, никак. Живёт себе – и всё. Только донором быть не может. Я, кстати, только один раз такое видела.

– Ну да? – воодушевился сыщик, – А у кого?

– Лет пятнадцать назад... Новорожденный мальчик, и фамилия запоминающаяся: Чёрный.

У Семенчукахватило дух от удачи! Вот и второй!

– Большое спасибо, Амалия Аркадьевна, вы мне очень помогли! До свиданья!

– До свиданья!

Клик! Связь разъединилась.

Глава шестая

«Группа крови Х... Химера... Причём, и у девчонки, и у мальчишки! Отсюда и надо плясать! Добыть образцы крови, отправить судебным экспертам... Но, как? Ни с того, ни с сего, ведь, не потребуешь сдать кровь на анализ! И, как назло, не болеют ничем! Кабы заболели, да в больничку легли... Там кровь на анализ прямо сразу берут!»

Так рассуждал Семенчук, сидя вечером в кресле у телевизора со стаканом чая. Вдруг из санузла (совмещённого!) раздался недовольный крик жены:

– Ленка! Сколько раз я тебе талдычила: заворачивай свои дела в газету! А ты опять вату в ведро всем на обозрение кинула!

– Ой, мам, прости, отвлеклась я! Телефон звонил!

Семенчук аж подскочил, расплескав чай: вот оно! То, что нужно!

Через два дня он вызвал к себе младшего лейтенанта Соловца, только что вылупившегося из школы милиции (Да-да! Того самого, чей образ много лет спустя будет воплощён на телевизионном экране в суперсериале «Менты»!).

– По вашему приказанию....

– Вольно, Олег. Садись и слушай.

Худенький лейтенантик сел на краешек стула.

– Провожу я тут одно расследование... Очень секретное,

да. И, в рамках этого расследования, нужно собрать вещественные доказательства.

Лейтенант подобрался, в глазах появился хищный блеск.

– Вот фотографии, – на стол легли фотографии Оли и её матери, – С сегодняшнего дня будешь следить, как они выносят мусор. Загнимируешься под бомжа, чтобы люди не удивлялись, что ты в мусорном баке роешься. Будешь посиживать на лавочке, пить пиво и посматривать. А, как только та или другая с ведром во двор, ты сразу шасть – и проверил, чего выброшено!

– Можно вопрос, товарищ подполковник? – по школьному поднял руку Соловец.

– Можно Дуню Кулакову! Ладно, спрашивай.

– Что искать-то? Какие вещдоки?

– Должен ты найти и принести мне... менструальные за-тычки.

Соловец побледнел:

– Я... это... боюсь, вырвет!

Семенчук нахмурился:

– Брось, никто у тебя ничего не вырвет! В песне же поётся: наша служба и опасна и трудна? Ты в милицию шёл служить, или где? А если тебе труп, у батареи горячей месяц пролежавший, осматривать придётся? Что, тоже скажешь: «вырвет»? И работу делать откажешься?

– Н-никак нет...

– Тогда иди и работай!

– Есть!

Лейтенант вошёл в образ бомжа и обосновался в Олином дворе. Рваная телогрейка на голое тело, дырявые кеды на босу ногу. Волосы он перепачкал кефиром, и они, обычно тщательно причёсанные на косой пробор, теперь висели неприглядными сосульками. А через два дня образ замечательно дополнила щетина на щеках и подбородке. Жилыцы жалели убогого, и часто угощали то хлебцем с колбаской, то гречневой кашей с молоком, а то и кусками торта с салатом «Оливье», оставшимися после дня рождения. Просили иногда то тяжёлые вещи поднести, то очередь за рыбой в магазине занять. Деньги за это давали! Но, конечно, лейтенант был верен служебному долгу и приказу: всё свободное от копания в мусоре время добросовестно пил на виду у всего двора пиво, которое не любил. Фигурантки выносили мусор каждый день, иногда и дважды. Каждый раз Соловец тщательно рылся в картофельных очистках, рыбьих потрохах и прочей гадости, но искомое не попадалось. Зато несколько раз попались ценные вещи: шикарные командирские водонепроницаемые часы с браслетом из нержавеющей стали, золотая серьга с жёлтеньким камушком, и даже книга Ильи Тамигина «В Начале было Трое», которую в магазине было не купить, а в библиотеке взять, только отстояв двухмесячную очередь. Олег даже начал подумывать, что в свободное от службы время неплохо бы хоть иногда рыться в помойках.

Ненавязчиво! Мало ли, что ещё удастся найти! Ночевал он прямо на боевом посту. Хорошо, что погода стояла тёплая, и спать на лавочке под открытым небом было не очень напряжно.

Лишь на одиннадцатый день девочка, наконец, вынесла ведро с вожделенными клоками окровавленной ваты, аккуратно завёрнутыми в газету «Комсомольская Правда». Положив их в специальный пластиковый пакет для вещдоков, лейтенант бегом побегал в райотдел, радуясь и гордясь, что не сблевал.

При виде грязного и вонючего бомжа, ввалившегося в кабинет, Семенчук вздрогнул.

– Товарищ подполковник! Ваше задание выполнено! – гаркнул убогий, и только тогда Александр Борисович узнал Соловца.

– Вольно, Олег! Показывай, с чем пришёл!

Тот плюхнул на стол пакет.

– Вот, товарищ подполковник! Всё свеженькое, сегодняшнее!

Развернув газету и осмотрев принесенное, Семенчук посветлел лицом, а Соловец, наоборот, позеленел.

– Благодарю за службу!

– Служу Советскому Союзу!

– Иди, Олег, отдыхай. Даю тебе три дня отпуска.

– Спасибо, товарищ подполковник!

Семенчук позвонил судебному эксперту Платонову:

– Альфред Ионыч! Зайди ко мне, пожалуйста, разговор есть.

Тот пришёл через пять минут.

– Вот, Ионыч, такое дело. Я провожу расследование... очень секретное. И в рамках этого расследования надо идентифицировать вот этот... биоматериал. В смысле, принадлежит ли кровь человеку, и, если нет, то кому. Сможешь сделать?

– А чего ж, – пожал плечами эксперт, – Дело знакомое... Пишите направление.

Семенчук замялся:

– Э-э... Сделай неофициально, а? Говорю же, даже номер дела секретный. А уж за мной не заржавеет! Награда найдёт героя!

Судебный медик отличался умом и сообразительностью.

«Наверное, частное расследование крутит! Юлит, глазки отводит... Ну, ладно, пойдём навстречу!»

Он апологетически поднял брови:

– Ящик армянского*?

*армянский коньяк «три звёздочки» стоил тогда 8 р. 12 коп.

Семенчука качнуло. Однако! Но отступить было некуда.

– Согласен!

Альфред Ионыч забрал мешок и с достоинством удалился.

Ещё через два дня он положил на стол Семенчука машинописный лист. Тот вздел очки, вчитался:

«... Представленные для исследования образцы крови не принадлежат человеку. Наибольшее сходство, до 80% по одиннадцати параметрам, с кровью волка... Заключение. кровь неизвестного науке существа, состоящего в родстве с *Canis Lupus*, т.е. с волком...»

Дальше было ещё что-то, но Семенчук дочитывать не стал. Ай, да Альфред, ай да сукин сын!

– Спасибо, Ионыч!

Из железного шкафа была извлечена картонная коробка. В ней что-то мелодично звякнуло!

– Вот!

Платонов поднял коробку, прикинул вес. Повернулся к двери и через плечо предложил:

– Если вдруг чего... вы того, обращайтесь, значит!

Чрезвычайно довольный собой Семенчук сразу же позволил товарищу Рамкину:

– Иван Тимофеевич! Когда я мог бы к вам приехать? ... Есть новости, есть! ... О, прямо сейчас? Выезжаю!

Партсекретарь встал навстречу посетителю и сделал пять шагов навстречу, оказав ему, таким образом, величайшее уважение.

– Ну!?

В этом коротком междометии слилось всё: и жажда узнать

результат, и нетерпение, и... и многое другое.

Семенчук открыл принесенную с собой папку:

– Докладываю, Иван Трофимыч. Первое: личности подростков, подозреваемых в превращении в волков, установлены.

На стол легли фотографии Романа и Оли. Семенчук лично сфотографировал их собственным фотоаппаратом «Зенит 3М» с объективом «Юпитер».

– Это Ольга Булатова, 1965 года рождения, учащаяся школы номер два, и Роман Чёрный, 1966 года, учащийся школы номер один. В деле имеются их адреса и телефоны.

Дав Рамкину время рассмотреть снимки, подполковник продолжил:

– Второе: при пристальном изучении фотографий выявлено следующее: уши подозреваемых имеют одинаковую форму. Вот, приглядитесь: без мочек, заостренные кверху, умеренно лопухие.

Он пошарил в папке и достал лист с заключением медэксперта.

– Третье: оба подозреваемых имеют группу крови Х, не входящую в классификацию групп человеческой крови, так называемую «Химеру». Четвёртое: судебная экспертиза установила, что кровь Ольги Булатовой не является кровью человека, а является кровью неизвестного науке существа, состоящего в родстве с волками. Вот, извольте, заключение.

На стол легло творение Платонова.

– Пятое: к сожалению, свидетелей превращения подозреваемых в волков не нашлось, если не считать лесников, видевших одновременно и волчьи, и человечесьи следы. Но, это – косвенные улики. Шестое: оба подозреваемых характеризуются классными руководителями положительно, отмечают их хорошие успехи в учёбе, но и Ольга, и Роман склонны к индивидуализму, друзей не имеют, предпочитают проводить время вне коллектива. Это всё, что удалось установить достоверно.

– Совпадение с волчьей кровью восемьдесят процентов... – прошептал потрясённый Рамкин, закуривая.

Однако, увидев недовольное лицо подполковника, быстро погасил папиросу.

– Вы были правы, Иван Трофимыч. Оборотни они, – тяжело произнёс Семенчук.

– И что теперь с ними делать? – жалобно всхлипнул секретарь райкома.

Милиционер пожал плечами в погонах:

– Не знаю. Желательно, конечно, за ними пронаблюдать... но людей для этого нет. Да и оснований тоже... Мало ли, у кого странные уши и группа крови! Вот, если бы они правонарушение совершили, тогда можно было бы и дело возбудить, и размотать на всю катушку!

В кабинете воцарилось долгое молчание. Затем Рамкин щёлкнул клавишей селектора:

– Дуся! Принеси нам... Вам что, Александр Борисыч?

Чай? Кофе?

– Кофе, если можно.

– Ну, почему ж нельзя... Дуся! Два кофе!

Через несколько минут секретарша внесла поднос с двумя чашечками восхитительно пахнувшего чёрного кофе. Дождавшись, пока она выйдет, Иван Трофимович достал из сейфа бутылку Армянского Коньяку с пятью звёздочками на этикетке. Налил две пузатеньких рюмки. Выпили молча, не чокаясь, запили кофе.

– Я, пожалуй, к попу съезжу посоветоваться. Может, и впрямь, Святой Водой их побрызгать надо?

– Может быть...

Налили и выпили ещё по одной. У хозяина кабинета с лица сошла бледность. Он энергично встряхнулся.

– Работа вами проделана большая и исключительно важная, Александр Борисыч! Я и раньше знал, что могу на вас положиться в трудную минуту! Долг, как говорится, платежом красен, а я в долгу быть не привык. Вот, у меня путёвка есть бесплатная. В Италию. Хотите с женой на тот год поехать?

У Семенчука аж дыхание в зобу спёрло! Это была супернаграда! Круче, чем машина без очереди! Круче, чем квартира! Италия! Оттуда столько всего можно привези! А впечатления! Музеи-Колизеи-Помпеи и прочий Везувий с Неаполем... Море тёплое!

– Хочу, Иван Трофимыч! И жена хочет, хотя ещё и не зна-

ет!

– Не обессудьте, детей придётся оставить здесь.

Так было заведено. Дети становились заложниками, на случай, если родители решатся на невозвращение в СССР.

– Ой, за девками моя мама присмотрит с удовольствием!

После длительных размышлений, товарищ Рамкин решил к попу не ездить. В Обкоме, когда узнают (а узнают обязательно!) о контактах с религиозными мракобесами, по головке не погладят! Могут, даже, из Партии исключить! И разбираться не будут, что консультация была нужна по важному и необычному делу.

До отпуска родителей Роман и Оля съездили в Сабуровский лес только дважды: Оля была занята на работе. Им там казалось более безопасно: лес был дальше от жилья, и встретить там людей было менее вероятно. Правда, дорога в один конец занимала почти два часа.

Оба раза они просто играли. Охота не складывалась. Однажды попытались поймать барсука, но он удрал в нору. Раскапывали долго, но безрезультатно. Видимо, ушёл через запасной ход. Оля потом попеняла Роману:

– Ромашка! Это ты виноват, что он смылся!

– Почему это?! – выпучил глаза парень.

– Потому! Тебе надо было, пока я надрывалась, побегать

вокруг, понюхать хорошенько и найти задний проход! И там стеречь! А ты просто так на травке валялся!

В этих словах была, конечно, своя логика. Только, большую часть времени расковыривал нору как раз Роман...

Побыв некоторое время волками, они снова превращались в людей и собирали ягоды и грибы. Ну, чтобы иметь оправдание своим отлучкам в лес. Купались в озере или ручье, подолгу обсуждали прочитанные книги. Вечером возвращались усталые, но довольные и загорелые!

Наступил день отъезда родителей к Чёрному Морю! Роман помог им погрузить чемоданы. Он сильно вырос и возмужал за это лето, и выглядел старше своих, ещё неполных, четырнадцати лет. Тётя Наташа тоже пришла проводить, и целых полчаса слушала и запоминала инструкции Аллы по обращению с ребёнком: чем кормить, во сколько укладывать спать, где с ним гулять, следить, чтоб на солнце не перегрелся и под дождём не намок, а также, чтоб допоздна не зачитывался... Ну, и всё такое. Наконец, тётушке надоело, и она с серьёзным видом спросила:

– А соску кипятить?

Алла слегка обиделась и надулась, но тут же переключилась на прощание с сыночком. Ещё полчаса парень не мог вырваться из материнских объятий. Вдобавок, она рыдала в три ручья, всё рубашку слезами измочила!

Наконец, Волга тронулась с места. Роман и тётка с облегчением перевели дух.

Оля сидела на балконе и думала мысли. Приближался Ромкин день рождения.

«Что ему подарить, противному? Электробритву? Да ну, у него всего несколько волосков на подбородке! Книгу? А что: книга – лучший подарок!»

Решено: она подарит хорошую книгу! Но книг в магазине не было. Вернее, тех, что можно было читать. Сплошь произведения дорогого Леонида Ильича: «Малая Земля», «Возрождение» и какая-то ещё. Значит, надо ехать в Сабуров на барахолку! И в воскресенье она села на раннюю электричку. Людей было немного. В противоположном конце вагона ехали три какие-то полужнакомые девчонки из первой школы. Оля скользнула по ним взглядом и отвернулась к окну. Девчонки, однако, пристально разглядывали её.

– Вон она! – с ненавистью шепнула подругам Лена Семенчук, – Булатова! Отбила у меня Чёрного и жадно пользуется, сучка!

– В Сабуров едет, – протянула Женя, крупная, сильная девочка.

– Ага, на базар! – подтвердила маленькая и субтильная Аня, изящно ковыряя в носу, – А, давайте, девки, её отлупим?

Мысль эта Лене понравилась! В самом деле, надо эту ко-

рову наказать и проучить! И лучшего места, чем базар, для этого не придумаешь!

Барахолка располагалась на большом грязном пустыре недалеко от вокзала. Чего там только не было! Зимние замшевые сапоги! Кофточки и блузочки! Запчасти для Запорожца! Колготки! В сторонке, у забора, стояла старушка с корзиной, полной пушистых котят. Вокруг неё толпились ребятишки.

Книги, книги... Где же книги? Оля догадалась, что книги на виду не держат, и принялась спрашивать у встречаемых-поперечных. Увы! Продавец книг никак не попадался! Она пересекла пустырь из конца в конец и повернула обратно. Внимание девочки привлёк рослый дядька, размахивающий кроссовкой. Эта обувь только-только вошла в моду!

– А, вот, кому кроссовки! – шумел дядька, – Настоящий «Адидаст»! Французский! Тому, кто купит «Адидаст», любая девка сразу даст!

Оля подошла, присмотрелась. Хорошие! Красно-белые, глубокие. И надпись «Adidast» сбоку! Пожалуй, такой подарок лучше, чем книга! Тем более, что книг и не видать.

– Берите, девушка, не пожалеете, – улыбнулся продавец, – Ридна французщина! Какчество-то какое, а? Сносу нет!

На самом деле кроссовки были сделаны на подпольной фабрике в Кимрах.

– А сколько стоят? – робко спросила Оля.

– Шестьдесят. Две пары за сотню.

Это было очень дорого! У Оли с собой было всего восемьдесят два рубля, всё, что удалось скопить за лето. Она повернулась, чтобы уйти. Продавец окликнул её:

– Эй! А за сколько возьмёшь?

Торговля у него шла плохо, поэтому он решил снизить цену. Оля вернулась.

– Ну... за сорок взяла бы!

– Ой, красавица, дай хоть сорок пять! Себе в убыток отдаю, потому, как твоей красотой очаровался!

Оля засмеялась.

– Дайте тридцать девятый, пожалуйста.

Она была девочка крупная, а Рома – не очень, поэтому размер обуви у них был одинаковый. Померила, потопала ногами по заботливо подложенной газете. Чуть великоваты, значит, Ромке – в самый раз!

Расплатившись, пошла на электричку, себе самой так ничего и не купив. Впрочем, нет. У самых ворот купила у цыганки набор теней для век «Lankomé» всего за десять рублей. Положила в сумку, где уже лежали кроссовки.

Лена, Женя и Аня ходили за Олей по пятам, выжидая подходящего момента, чтобы толкнуть, затеять ссору, подставить ногу, чтобы упала в грязь. Возможностей для этих пакостей была уйма, но девчонки трусили.

– Во, гляди! Совсем сейчас уйдёт! – показала паль-

цем Аня.

Лена угрюмо промолчала.

Вот и платформа. Толпа людей, ожидающих электричку, собралась немалая. Оля заняла позицию у остановки четвёртого вагона – ближе будет идти на автобус. Три подруги встали сзади. Вот и поезд, тормозит... тормозит... уже близко! И тут Лена сильно толкнула Олю в поясницу! Та не удержалась, взмахнула руками и упала на рельсы!

Немолодой машинист Матвеев мгновенно побледнел и покрылся холодным потом. Рванул тормоз, но толку от этого не было. Многотонный состав в одну секунду не остановишь!

Оглушенная падением, Оля вскинула взгляд: на неё надвигалась смерть! Железная и равнодушная. Только волчья реакция спасла девочку: она успела откатиться под платформу. Сумка же осталась на путях.

Стук-стук... стук, стук... стук. Поезд остановился. Оля лежала, ни жива, ни мертва. Кто-то спрыгнул, наклонился к ней. Оказалось – милиционер. Сержант.

– Эй! Ты живая?

– Ага... – севшим голосом отозвалась Оля.

– Чего ж ты, дурёха, под поезд бросаться решила? Тебя не Анна Каренина зовут?

Милиционер явно знал классику русской литературы!

– Нет, я Оля... Булатова. Только, я не бросалась, меня толкнули...

– Ого! Пойдём, расскажешь!

Он помог девочке вскарабкаться на платформу.

– Ой, сумка! Моя сумка! – вспомнила она.

Сержант, ругнувшись, прыгнул и принёс сумку. Оля открыла её: кроссовки целы, а, вот набор раздавило! И зеркальце! Такая жалость! К тому же, примета плохая...

Сержант увёл её в вокзальное отделение милиции для дачи показаний.

Матвеев, убедившись, что человек, в смысле девчонка, не пострадала, отживел только после второй папиросы, выкуренной подряд.

Глава седьмая

Сначала Олю осмотрела фельдшерица из вокзального медпункта.

– Жалобы есть? Где-нибудь болит?

– Нет... Нигде не болит... Только локоть немного ушибла, – всхлипнула пострадавшая.

Фельдшерица, тем не менее, заставила девочку раздеться, и внимательно осмотрела на предмет синяков и царапин. Не найдя ничего, на всякий случай помазала правый локоть йодом.

– Одевайся! Эй, Лёша! Можешь приступить! Здорова она, не повредилась, значит.

Сержант посадил Олю за стол в дежурке и галантно предложил чаю в помятой алюминиевой кружке. Чай был остывший и невкусный, но она залпом выпила и, наконец, перестала дрожать.

– Ну, давай начнём работать! – предложил Лёша, парень не старше двадцати лет с небольшим, видимо, только что после армии, – Фамилия, имя, отчество, возраст, адрес?

Оля продиктовала спрошенное.

– Теперь рассказывай, что случилось.

– Да, что? Приехала на базар купить того-сего... Вернулась на вокзал, встала на платформе, электричку жду... И вдруг – толчок в поясницу! Сильный! Я и упала, хорошо,

не сломала ничего. А тут поезд... Я с рельс откатилась, он мимо проехал.

– Так... понятно... Ну, и реакция у тебя, однако!

Сержант Лёша побарабанил пальцами по столу, размышляя.

– Тебе не угрожали в последнее время?

– Нет.

– Кто-нибудь знакомый на базаре был?

Оля задумалась. Толкнул её явно человек, знающий, кто она такая. Незнакомому-то незачем!

– Было несколько человек из Моршанска. Я их не знаю, как зовут, но лица знакомые.

– Опиши мне их!

– Ну, два дядьки лет по сорок, я их раньше несколько раз у школы видела, они, типа, с работы шли. Ещё тёток несколько... Одна в больнице работает, это точно, а две другие... В автобусе я их видела иногда, у нас, в Железнодорожном районе. Видимо, неподалёку живут.

Оля напрягла память.

– Девчонок было трое. Они ещё за мной по пятам на базаре ходили. Я их не знаю, но видела раньше, не то на соревнованиях каких-то, не то на демонстрации Первомайской... Не помню. Знаю только, что они из первой школы.

– Ага! Оpoznать сможешь?

– Смогу.

Тщательно записав всё это, сержант сказал:

– Я материалы перешлю в твой райотдел. Пусть разбираются. Конфету хочешь?

– Хочу! – улыбнулась уже оклемавшаяся Оля.

– На!

На стол легла карамелька «Раковая Шейка».

Вернувшись домой, девочка долго соображала, кто мог её толкнуть под поезд и за что. Но так и не поняла.

В понедельник рапорт сержанта Ковалёва о падении на рельсы несовершеннолетней Булатовой О. Г., завизированный майором Лукиным, достиг Моршанска и лёг на стол подполковника Семенчука. Внимательно прочитав и перечитав его, он встал и подошёл к окну. Необходимо было возбуждать уголовное дело, ибо имела место попытка убийства. Надо же, именно Булатову, оборотеницу, кто-то пытался убить! Ещё раз перечитал рапорт. Дядьки... тётки... Вряд ли они – с какой стати? А, вот, девчонки... Те могут! Чаще всего – из ревности. Или членовредительство, вроде серной кислоты в лицо, или, вот, как сейчас, под поезд толкнуть... Были подобные случаи, были! Посмотрел на часы: о! обедать пора! Представил борщ с пампушками, приготовленный накануне женой, домашние котлеты с макаронами... В животе предвкушающее заурчало! Домой, скорее домой! Война войной, а обед по расписанию!

Дома подполковник обнаружил жену и Лену. Старшая, Оля, умелась к жениху. Ну, и пусть, дело молодое! Небось,

накормит чем-нибудь девушку, голодной не оставит. Свадьба была намечена на 12 сентября, то-есть, уже скоро.

Супруга, Алевтина Валентиновна, внесла супницу, источающую умопомрачительный аромат! Все сели за стол. Зачерпнув ложку, Александр Борисович попробовал борщ. волшебно! Добавил сметаны и покрошил чеснока. Размешал. Попробовал – стало, вообще, божественно! Эх, жаль, нельзя рюмаху пропустить! Служба!

– Какие новости, Саша? – спросила жена.

– Новости... Вот, вчера в Сабурове девочку под электричку толкнули.

– Какой ужас! Жива, хоть?

– Жива, даже не повредила себе ничего... Слушай, доча, ты же там была вчера, на базаре! Ничего не видела?

Лена побледнела и вся затряслась.

– Н-нет... не видела я ничего...

Подполковник взглянул на неё попристальней: с чего бы такой виноватый вид? И тут же вспомнил странные ответы дочери именно об этой девочке! С нажимом, растягивая слова, произнёс:

– Девочка эта – Ольга Булатова... которая корова очкастая.

И гаркнул, стукнув кулаком по столу, так, что даже борщ расплескался:

– А?!!!

Лена залилась слезами. Мать сидела с открытым ртом, ни-

чего не понимая.

– Ну-ка, пойдём со мной! – жёстко приказал отец и увел Лену в спальню.

– Так, это ты? – спросил он шепотом, хотя ему уже и так всё было ясно, кроме причины, – За что ты её?! Почему!?

– Она у меня Ромку... Ромку Чёрного отбила! – зарыдала Лена, отворачиваясь, не в силах вынести горящий взор отца, – Мы на платформе рядом стояли... Я и... толкнула...

Александр Борисович много чего видел в жизни, а слышал ещё больше. Но слова дочери потрясли его до основания.

– Так, иди к себе и носу из комнаты не показывай. Я буду думать.

Жена сунулась было с вопросами, но Семенчук свирепо рывкнул на неё, и та спряталась в кухне.

Наметив план по спасению дочери, подполковник начал претворять его в жизнь немедленно. Выяснив у дочери, кто с ней был вчера, отправился в школу. Там без труда добился, чтобы Семенчук Л. А., Невушную Е. Н. и Сапрыкину А. Е. вычеркнули из списков принятых в девятый класс. Почему без труда? Да потому, что на директрису имелся мощный компромат, которым он и воспользовался. Товарищ Огаркова была однажды застукана им за чтением романа Солженицына «Красное Колесо», изданным в Америке, прямо в служебном кабинете, куда он сюрпризом ввалился по наводке одного из своих информаторов-старшеклассников. Непрощаемый грех, грозивший немаленькой отсидкой!

Книгу, и ещё одну, «Раковый Корпус», найденную в ящике стола тут же, он отобрал и хранил в служебном сейфе. А сейчас он напомнил Галине Николаевне, что на книжках есть её отпечатки пальцев! Семенчук изъяс также все фотографии, где нашлись трое девчонок, даже те, где их снимали в первом классе. Затем вернулся на службу и приказал вызвать Женю и Аню. Те пришли через час, бледные и напуганные.

– Вот, что, подруги. Вам, если не хотите сесть в тюрьму, как соучастницы убийства, надо немедленно исчезнуть из города. Хоть к чёрту на рога! Езжайте в Тамбов, в Саратов, в Киев... куда хотите, но, чтобы завтра же вас здесь не было! Поступите в какое-нибудь ПТУ, время ещё есть до учебного года. Родителям я объясню, если будут вопросы. Но, думаю, вы им сами обоснуете отъезд. Понятно?

– Понятно...

Затем он вызвал Олю. Та пришла за час до окончания рабочего дня. Семенчук соорудил зверское лицо и заговорил зловещим голосом:

– Значит, так, девушка. Слушай и запоминай! Никто тебя никуда не толкал, ты сама оступилась. Показалось тебе, что толкнули, понятно? А будешь настаивать на своём... пожалеешь! Я знаю, что ты в волчицу превращаешься! Пока только я, но ведь и другие могут узнать, а? Тебе же не хочется, чтоб весь город на тебя пальцем показывал и какашками швырялся?

– Нет... – прошептала Оля, опустив глаза.

«Как!? Как он узнал!?»

– Если и этого недостаточно, то я тебе торжественно обещаю: найду подходящий повод и посажу тебя. В тюрьму. Не сомневайся! Вот, как бог свят, посажу!

– Не надо! – взмолилась Оля, – Я... молчать буду! И, вообще, я сама оступилась! Мне только показалось, что меня толкнули!

– Молодца! Хорошо урок выучила! – усмехнулся вурдалачьей усмешкой отец собственной провинившейся дочери, – Подпишись вот здесь и напиши: с моих слов записано верно, и мною прочитано. Во, отлично. Иди! Но помни, что я с тебя теперь глаз не спущу! И никому ни слова, даже матери!

На подгибающихся ногах Оля вышла на улицу.

Вернувшись вечером домой, он вошёл в комнату дочери и кинул ей на кровать чемодан:

– Собирайся!

– К-куда... собираться? – пролепетала Лена.

– В Жмеринку поедешь! Завтра же! К бабке! Там школу и закончишь. А хочешь – в ПТУ какое-нибудь поступи. Здесь тебе оставаться нельзя.

– Но, я же украинского не знаю!

– Выучишь!

– А как же... Юлькина свадьба? Я же...

– Какая, нахрен, тебе свадьба? – уже не сдерживаясь, завопил отец, – До того ли? Тебе же тюрьма ломится, дура!

В дверях возникла Алевтина:

– Саша, объясни толком...

– Брысь! – зарычал Семенчук, замахиваясь.

Только пускаться в объяснения ему сейчас не хватало!

Жена испуганно порскнула в туалет и закрылась там на замочек.

Во вторник подполковник с утра пораньше открыл тонкую папку с делом №812 и, вложив туда протокол допроса потерпевшей Булатовой О. Г., написал заключение для прокурора:

«В связи с показаниями потерпевшей, которой только показалось, что её кто-то толкнул, прошу в возбуждении уголовного дела отказать, ибо налицо несчастный случай».

Он встал и принялся расхаживать по кабинету.

«Даже если эта малолетка рот, всё-таки, откроет, ничего не докажут! Девочек нет, фотографий нет. Опознание не получится. Сама же сказала, что девочек не знает, только мельком видела где-то. Нет, я все концы обрубил!»

Посмотрел на часы: жена уже должна была сесть с Ленкой на поезд до Тамбова. Ей пришлось всё рассказать ночью. Под одеялом, на ухо. План спасения дочери она поддержала единогласно.

Прокурор ознакомился с делом и, пожав плечами, наложил резолюцию:

«В возбуждении уголовного дела отказать».

Несчастный случай, так несчастный случай! Тем более, что никто не пострадал.

Через два дня, вечером, Оля встретила с Романом у него дома.

– Что случилось, подруга? На тебе лица нет!

И девочка рассказала ему всё. Как её толкнули, как на следующий день её вызвал начальник РОВД и страдал, что в тюрьму посадит, если не подпишет, что сама оступилась, и никто её не толкал.

– А самое главное, Ромчик, он мне сказал, что знает, что я оборотень. А если не сделаю, как велено, то он всему городу растреплет.

– Во, дела! – потрясся Роман, – А как его фамилия?

– Семенчук. Подполковник он.

Роман угрюмо задумался.

– Семенчук... Семенчук... Вспомнил! Со мной в школе учится Ленка Семенчук! На класс старше. Она ко мне подкатывалась, дружить предлагала, на танцах приглашала три раза, типа, на белый танец. Только она страшненькая, и я её проигнорировал... Слушай, если тот подполкан её папаша, то всё ясно! Это Ленка тебя толкнула, а он её отмазывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.